

МАГИЯ ФЭНТЕЗИ

Сергей МАЛИЦКИЙ
**ОЧЕРТАНИЕ
ТЬМЫ**

ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Приют окаянных

Сергей Малицкий

Очертание тьмы

«АЛЬФА-КНИГА»

2016

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Малицкий С.

Очертание тьмы / С. Малицкий — «АЛЬФА-КНИГА»,
2016 — (Приют окаянных)

ISBN 978-5-9922-2255-5

В пережившем вторжение, войну и планетарную катастрофу индустриальном мире через тысячи лет мрака и бедствий воцарилось время меча и магии. Природа залечивает раны, время стирает память о минувшем, но прошлое возвращается так же, как кровь из открывшейся раны пропитывает одежду. Ужасные знамения, происходящие в маленьком городке, пытаются разгадать храмовые старатели. С ними – юная послушница из Приюта Окаянных.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-2255-5

© Малицкий С., 2016
© АЛЬФА-КНИГА, 2016

Содержание

Пролог	5
Часть первая	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	29
Глава 4	36
Глава 5	43
Глава 6	50
Глава 7	59
Конец ознакомительного фрагмента.	61

Сергей Малицкий

Очертание тьмы

Пролог

Олс

Бедой повеяло еще с лета. Шесть часовен из тридцати на святом пути из Тимпала к Тэру дали трещины, а одна, что стояла у северных ворот Гара, так и вовсе рухнула. Рухнула и рухнула: чего пустое перемалывать; значит, время ей пришло, ничто не вечно под солнцем, кроме Эдхарского моста, ну так ведь не о нем речь? Мост стоял и стоять будет, говорено, что выйдет его срок тогда, когда весь Талэм свернется и высохнет, как кленовый лист в канун зимы. Тем более новую часовню за неделю из бревен срубили и поставили рядом, свежие руины расчистили, поправили фундамент да на прежнем месте начали строить уже настоящий собор. Давно было пора – все-таки на шесть сотен лиг только один подорожный храм сиял золотым колесом на шпиле, да и тот в стольном Сиуине. Не считать же подорожными храмами соборы в начале и конце дороги? Один – Белый Храм Священного Двора Вседержателя – для боли и печали начала пути, другой – Черный Храм на месте бывшей Черной Башни – для скорби и слез окончания странствия, и оба они для того же самого в обратном порядке, потому как колесный ход в две стороны прокладывается – от Тимпала до Тэра и обратно. По двадцать лиг в день от часовни к часовне – чтобы топтать без усталы весь второй и третий месяцы осени. Хоть раз в жизни всякий колесник должен проделать его в одну сторону, а если послушание какое на паломника накладывалось или сан располагал, то и с возвратом, и порой не единожды.

Сначала казалось, что все обошлось. Прочие часовни поправили еще до осени, да и всем остальным строгий надзор учинили, шутка ли, тысячи людей пойдут святым путем, будут прикладывать лбы к древним камням, хвататься за них, поливать слезами.хлопот королевской страже на два месяца – глаз не сомкнуть, да только служба – она служба и есть, дело привычное. Другого бояться следовало: если пакость какая-нибудь вдруг всплывет, воровство разовьется или ведун без королевского ярлыка народ смущать станет. Или же, что еще хуже, магия волю поимеет. Вот как раз с магией в тот год беда и вышла. В самом начале осени, когда работы в Гаре уже шли полным ходом, тимпальский голубятник поймал птичку от гарского сэгата, как раз от того, у которого часовня рухнула. На птичьей лапке болталось послание, в котором, как водится, были выписаны восхваления и Вседержателю, и мученику Нэйфу, имелась благодарность главе Священного Двора за помощь в строительстве нового храма, но вслед за обязательным почтением размещалась жалоба, и как раз в ней перечислялись навалившиеся на приход беды и тревоги. Сэгат сетовал, что с самого обрушения прежней часовни в городе творится непотребство. Стали являться зловещие призраки и странные знаки, производящие смущение населения. Кроме того, среди достопочтенных горожан, не меньше половины которых является благоверными прихожанами Храма Нэйфа, обнаружили сразу три оборотня-имни, коих стража, конечно, порубила, но пока до рубки дошло – от оных пострадала куча народу, в том числе полегло насмерть множество невинных подданных тэрского короля. А те, что увечьями отделались, вовсе забыли о скором святом шествии и поголовно твердят о каком-то явлении и страшатся его пуще смерти, хотя смерти продолжают, во всяком случае, пропавшие и ненайденные среди горожан числятся. Все это, продолжал сэгат, наводит глубокую печаль и тревогу, к тому же вкупе с недавним обрушением часовни отвращает людей от святого престола в пользу Храма Присутствия и прочих кошунственных верований.

Забегали, засуетились после ужасной вести послушники Священного Двора. Ни о каком явлении, правда, никто из них толком не слышал, да и прежние вести об оборотнях оказывались обычно фантазиями, хотя нечисти в дальних краях хватало, но всякая смерть чаще всего объяснялась просто, потому как нет ничего проще смерти. Однако до начала колесного хода оставалось не так много времени, а большего вреда вере, чем от смущения умов, произойти не могло, поэтому престарелый Ата вызвал сэгата Белого Храма и приказал отправить в Гар лучших храмовых старателей. То есть служителей, предназначенных для разбирательства противоестественных дел, а именно судью, усмирителя и защитника, или, как порой говорили в народе, судью, палача и печальника.

Выехали старатели из Тимпала в тот же день, меняя на каждом дозоре лошадей, добрались за неделю или около того до Гара и приступили к разбирательству. А в первый день второго месяца осени, когда должно было начаться шествие и тысячи паломников ждали полуденного удара колокола, чтобы двинуться вместе со священной процессией с севера на юг из Тимпала к Тэру через тот самый Гар, в городе появился всадник. Его одежда была изодрана, глаза – красны от бессонных ночей, лошадь почти загнана, однако он продолжал вонзять в ее бока шпоры. Всадником был отправленный в Гар судья Эгрич.

Он миновал Известковую слободу, спугнул стаю ворон, ждущих жертвенных отрубей в кронах священной дубовой рощи, поднялся по широкой Гончарной улице к верхнему городу, миновал нижние ворота, махнул рукой дозору верхних и спрыгнул с коня только у главной лестницы, но не потому, что добрался до места, а потому что загнанное животное упало у первой ступени и испустило дух. Паломники, заполнившие площадь, замерли.

– Что стряслось, Эгрич? – насторожился старший дозора.

– Беда... – прохрипел тот и побежал по лестнице к храму.

– Двое за мной! – рявкнул дозорный и поспешил за вестником.

Сто шестьдесят ступеней Эгрич преодолел, не останавливаясь, хотя дыхание его прерывалось и хрип в груди заглушал шелест осенней листвы под его ногами. Лишь на самом верху судья остановился, чтобы преклонить перед вратами Белого Храма колена и нарисовать ладонью святое колесо у себя на груди, но тут же поднялся, поморщился, как будто мучился от невыносимой головной боли, и побежал по узкой лестнице, опоясывающей храм и ведущей в верхний зал, в котором шла праздничная служба. Когда, миновав двух последних стражников, судья вбежал под священные своды, силы его были на исходе.

Обряд уже завершался. Голоса младших сэгатов, славящих мученика Нэйфа, сливались с прозрачными нотами, извлекаемыми служками из даланских дудок, и взмывали под светлый купол Белого Храма. От блеска одеяний старших сэгатов рябило в глазах. Со священными кубками в руках высшие служители кружились вокруг золотой чаши, возле которой в белой тиаре и вышитой золотом сутане стоял сам Ата, предстоятель Священного Двора. В одной его руке был старый медный черпак, в другой – серебряный нож. Кровь стекала по рассеченной ладони старца, капая в чашу. Тридцать кубков должны были наполниться вином, смешанным с кровью. Тридцать часовен ждали участников колесного хода. Тридцать дней мучений святого Нэйфа, когда вместо воды, о которой просил он, ему подносили только сладкое, приторное вино, повторялись уже больше тысячи лет как священный обряд.

– Ата! – закричал Эгрич, падая на пол.

Смолкли дудки. Осеклись голоса. Замер седовласый Ата.

– Ата, – приподнялся на локтях Эгрич, с трудом встал на колени, оглянулся на замерших за спиной стражников. – Беда, Ата.

– Что случилось, судья? – грозно спросил Ата.

– Он вернулся... – прошептал Эгрич.

– Кто он? – не понял Ата.

– Старший слуга убийцы. Ужас Тэра. Мучитель Нэйфа, – страдальчески скривился Эгрич, пытаясь встать на ноги. – Он вернулся.

– Где? Когда? Кто?! – закричал в раздражении Ата.

– Здесь, – прошептал Эгрич, выпрямляясь. – Сейчас. Я.

Последнее слово было вымолвлено не так, как предыдущие. Оно не было произнесено голосом запыхавшегося, пожилого, едва стоявшего на ногах человека. Оно было произнесено тихим голосом, сила в котором колыхалась, словно океанская волна перед страшной бурей. Ата побледнел. Перед ним стоял не Эгрич. Непостижимым образом измученный судья обратился в сухого, чуть сутулого незнакомца среднего роста с лысым черепом и чертами лица, которые, казалось, повторяли линии все того же черепа.

– Кто ты? – с трудом вымолвил Ата, подавая охране знак.

– Олс, – ответил незнакомец, и рванувшиеся к нему стражники словно наткнулись на невидимые клинки, потому что плоть их разверзлась и они, роняя оружие, пали замертво.

– Мало крови, – рассмеялся, поднимая один из мечей, тот, кто назвал себя Олсом. – Не жалею крови, Ата. В каждый из тех тридцати дней, в которые Нэйфа везли из Тимпала в Тэр, бедолага пролил ее куда больше. Не жадничай. Хочешь, я тебя научу?

Никто не заметил, как Олс оказался возле Аты. Только что он был в двух десятках шагов, и вот уже встал рядом, и Ата захрипел, потому что меч вышел у него из груди, и в чашу, на край которой осел предстоятель, хлынула кровь. А потом началась бойня.

Когда зал наполнился мертвыми телами, незнакомец остановился и потянулся словно после сладкого пробуждения. Затем огляделся, отбросил меч, вдохнул полной грудью, захватил ноздрями дурманящий запах смерти и облизал ладони, с которых, как и со всей его одежды и даже с головы, стекала кровь.

«В первый день второго месяца осени в часы начала священного шествия великая беда пришла в Белый Храм Тимпала, в сердце Священного Двора Вседержателя Талэма. Некто, назвавшийся Олсом и указавший на себя как на старшего слугу убийцы, ужас Тэра и мучителя Нэйфа, явился в образе судьи Эгрича в храм и учинил массовое убийство, пощадив троих человек, но лишив жизни – восемьдесят семь».

(Писано в закрытый кодекс во Дворе Вседержателя в 1265 году от восхождения и растворения святого мученика Нэйфа, да пребудет его добрая воля с детьми его и братьями его до скончания этого мира)

Часть первая Вой

Глава 1

Цай

Городишко Граброк, который сверкнул отблесками заката на черепичных крышах вроде бы за ближайшим взгорком, сначала попытался отгородиться от путников вечерним дождем, затем прикрылся еще парой холмов, спрятался в ночной туман, но был обнаружен и, раздосадованный, притворился деревней. Тонушая в темноте улица баловать закутанную в дорожные плащи четверку всадников фонарями и деревянными тротуарами не стала, однако подобием светляка собственное начало отметила. Старший крохотного отряда спрыгнул с лошади, поскользнулся, выругался, повиснув на сбруе, но выправился и, волоча налипшие на сапоги пласты глины, подошел к сторожевой будке, в которой как будто мерцал свет.

– Вот так встреча! – удивленно воскликнул он, смахивая с лица капли дождя. – Дойтен! Смотри-ка! Твой должник Цай жив-здоров.

Тот, кого называли Дойтеном, подал лошадь вперед, наклонился и, разглядев при свете зыбкого огонька масляной лампы похрапывающую усатую морду, лениво сплюнул:

– Три года уж минуло. Да и что там было монет? И на бутылку одисского не хватит...

– Добрый ты, – равнодушно заметил первый.

– Буду добрым, когда брюхо наполню, – ответил Дойтен, выпрямившись в седле.

– Воняет от него... – пошевелил ноздрями первый. – Что они тут пьют? Я такой дряни и не упомяну. И бледный он какой-то. Сдал Цай за три года, сдал... И что за темень? Ни огонька...

– Ты смотри, Клокс! – раздался уже в отдалении голос Дойтена. – Кажись, частокол горожане справили. Боятся, что ли, кого? Точно поперек улицы. Оттого и огней не видно. Вроде свежий. Ворота... Неужто весь город укрепили? Чего ж тогда Цай спит снаружи?

– Спросишь, когда протрезвеет, хотя в прошлый раз тебе с этим не повезло, – пробормотал старший и вдруг замер.

Сквозь шум ветра, торопящегося продуть сырые кусты и деревья, донесся отдаленный вой. На прояснившемся на мгновение небе проявился узкий серп месяца. Лошадь Клокса задрожала и натянула уздцы.

– Ты слышал? – понизил голос старший, посмотрев на вернувшегося из темноты Дойтена.

– Волк или собака, – с тревогой предположил тот, поглаживая шею своей кобылы. – В такую погоду я б и сам завыл. И завою еще, если не опрокину в глотку кубок вина. Что делать-то? Цая будить? Или в ворота биться?

Клокс задумался на мгновение, словно голос неведомого зверя мог изменить его планы, но затем потянул коня в сторону:

– Нам другие ворота нужны. Демон их раздери, где они? И с этой стороны частокол? Похоже, и будка не на месте? Где трактир?

– Здесь! – раздался из темноты негромкий голос третьего путника. – Стучать?

– Стучать? – взъерился первый. – Сносить, камень мне в глотку. Еще немного, и я промокну до нитки. Не жалей кулаков, Юайс! Да что там? Ногой вдарь! Знал, что трактирщик глух как булыжник, но что и слуги у него только на отбивные годны...

Слуги на первый взгляд не были годны и на отбивные. Во всяком случае, старик, что приоткрыл ворота, высох, не дождавшись смерти. Рука его была столь худой, что вознесенная ею над головой лампа просвечивала сквозь кожу. Однако по мановению этой тонкой руки и кивку лысой головы ворота распахнулись, и вслед за этим неожиданно сухой, укрытый навесом двор наполнился топотом и храпом лошадей. По ступеням застучали башмаки, заскрипели двери, замерцали во мгле лампы, где-то в отдалении, за толстыми стенами, подали голос куры, пахло теплом.

– Чтобы лошади и поклажа были в порядке! – погрозил старший немалым кулаком в темноту двора, соскоблил глину с сапог о ступени и, шумно высморкавшись, толкнул тяжелую дверь.

Трактир удивил уютом, или слабый свет ламп скрадывал запустение, но выстроившиеся вдоль длинного и узкого зала столы не блестели от впитавшегося жира, с косых балок и убегающей под крышу лестницы не свисала паутина, а выскобленные лавки как будто не грозили занозить натруженные долгим пребыванием в седлах зады. Откуда-то из недр спящего заведения доносилось потрескивание углей, тянуло дымком и даже запахом тушеной баранины. Только охотников за вечерним или уже ночным угощением оказалось немного. В середине зала, положив голову на локоть, дремал плечистый горожанин или путник в сером дорожном плаще и суконном треухе, а за соседними столами в блюда с кушаньем макали куски лепешек еще двое: мужчина средних лет в зеленом котто и зеленой же шапке, из-под которой вились седые кудри, и лысый толстяк в черном балахоне с лекарской треугольной бляхой на груди. На поздних гостей, которые появились на отгороженном перилами возвышении для важных особ, никто из едоков особого внимания не обратил, разве только седовласый кивнул незнакомцам, приложив руку к груди.

Между тем Клокс, которым оказался пожилой, но еще крепкий седобородый мужчина, довольно крякнул, распустил на груди шнур плаща, бросил его на перила, похлопал по отсыревшим плечам и бедрам, очертил ладонью круг на собственной груди от бороды к пупу и обратно и, поклонившись столам, едокам, балкам и скамьям, обернулся и проследил, чтобы положенный жест был повторен и его спутниками.

Их было трое. Дойтен – высокий и чуть грузноватый мужчина средних лет с торчащими подобно наконечникам копий усами и бородкой – со стуком приладил о пол ружье в кожаном чехле, распахнул плащ, звякнул ножнами меча и уселся на тяжелую скамью, с легкостью отодвинув от нее стол носком сапога. Уступающий Дойтену весом, но не ростом или шириной плеч Юайс сбросил капюшон, обнаружив под ним длинные светлые волосы, скрывающие его лицо не хуже ткани, и замер, оглядывая помещение из-под локонов. Третий – неожиданно тонкий и не слишком высокий – остался за спиной Юайса, но мелькнувшие под мокрой тканью тонкий нос, прядь темных волос и как будто изогнувшиеся в ехидной усмешке губы не оставляли сомнений: младший в отряде – девчонка.

– Отдыхай, Гао, – сказал Юайс, не оборачиваясь. – Здесь хорошо.

Девчонка чуть слышно фыркнула и присела у выхода.

– Было хорошо, – проскрипел Дойтен. – Всякий раз нужно убеждаться заново. Кстати, кроме наших – четыре лошади под навесом. И стоят тут, кажется, уже не первый день. Ты заметил, Клокс?

– Нет, я ослеп на старости лет, – потер виски седобородый, кивнув выскочившим из-за лестницы служкам с тряпками и холстиной. – Два вороных, один гнедой и один серый. И все жеребцы, что редкость. Я ничего не пропустил, Юайс?

– Не считая хозяйской живности за воротами сарая, еще был осел.

Светловолосый потрогал сухими пальцами острый, начинающий покрываться щетиной подбородок, тоже потянул шнуровку плаща и добавил:

– За крайним жеребцом. Или же у того было восемь ног.

– Осел? – пожал плечами Клокс и тоже прилачился на скамью, отпихнув того из служек, что пытался застелить стол. – А ну хватит уже натирать доски. И тряпок не нужно. Хозяина зовите. И еды несите. Еды!

– И вина! – вторично громыхнул ружьем о пол Дойтен и раскатился хриплым смешком вслед помчавшимся прочь мальчишкам.

– И где же седоки четырех прекрасных коней? – прищурился Клокс. – Может быть, тоже укрылись в сарае? Эти трое непохожи на них. Что скажешь, Юайс?

Светловолосый, который было начал приглядываться к едокам, обернулся:

– Все еще проверяешь меня, судья? Не надоело? Я ведь под твое начало не набивался. Или винишь в том, что Брайдем не дал тебе Роута?

– Думаю о его резонах, – пробурчал Клокс. – Если Роут так ему нужен, выходит, он дал мне ненужного? И что это значит – Роут не справится? С чем Роут не справится, с чем справишься ты? Что ты умеешь такого, чего не умеет Роут? И откуда Брайдем может знать, что нам предстоит?

– А откуда мне знать то, что знает Брайдем? – спросил Юайс.

– Однако за что-то он тебя привечает, – с досадой заметил Клокс. – Ты же в приюте всего три года? Так?

– Как и все прочие, – согласился Юайс. – Но камень в его стены не клал. Обитель вос-
становливали без меня.

– А раньше кем был?

– Кем только не был, – произнес Юайс. – Странствовал...

– Бродяжничал, что ли? – покосился на Дойтена Клокс. – Не похож ты что-то на бродягу... Хотя ладно. То не моего ума дело, кого Брайдем в наставники подбирает, но вот здесь, в Граброке, расхлебывать мне придется, чего бы ты ни наворотил. Ты да... подопечная твоя.

– Брось, старина, – скривился Дойтен. – Брайдем на возок барахло не сгрузил бы. Он тебе, кстати, о Роуте тоже в свое время рассказывать отказался. И что? В Стеблях дешевки не обрезаются. Я там кое-кого из стражников знаю: поверь мне, такие воины не то что в Сиуине, во всей Ардане наперечет. И насчет воспитанников от самого Двора повеление идет. Приют под покровительством Аты. Надо значит надо.

– Никак ты в защитники записался? – оторопел Клокс.

– А что тебе не нравится? – оскалился Дойтен. – Или не ты полдороги на девчонку глазом зыркал? Да и то сказать, не все же на мою рожу любоваться?

Последние слова Дойтена вызвали повторное фырканье из-под капюшона Гаоты, отчего Клокс тут же поджал губы.

– Ладно, – махнул он рукой. – Брайдем – умница, каких мало, спорить не стану. Пожалел Роута, значит, пожалел. Только если бы я знал, что так выйдет, не стал бы в приют заворачивать. Дождался бы возвращения второй тройки, взял бы их защитника.

– Ага, – хмыкнул Дойтен. – Так бы тебе и дали ждать... Нужда не терпит.

– Да знаю я все эти нужды, – отмахнулся Клокс. – Вечно какая-нибудь ерунда да обманка. Мерзости хватает, это правда, и чем дальше, тем больше, а вот подлинная нужда редко случается. Ты вспомни, когда в последний раз ружье свое заряжал? А? То-то... Только нужда нуждой, а дело – делом. А Роут в последнем деле был неплох. И в предпоследнем. И в первом из трех, что случились, как... – Клокс сплюнул. – Только привыкли, опять незнакомца дали, да еще и с дитем.

– Ты вроде насчет Роута еще громче плевался? – зевнул Дойтен. – Орал, что никто не сможет заменить Мадра?

– Однако Роут каждую мелочь на просвет видел... – раздраженно повысил голос Клокс.

– Ладно, – поднял руку Юайс. – Я, конечно, не Роут, но успокоить тебя, судья, постараюсь. Знаю, защитник должен видеть все и даже то, что невидимо. Защищать невинных точным разбирательством и собственным вниманием. Так вот, насчет седоков, – светловолосый присел напротив судьи, понизил голос: – Их в зале нет. Тот странник в зеленом прибыл в Граброк на осле, двое других – пешие. Все непростые. Кто в чем – пока не знаю. Но в Граброке, помнится мне, четыре трактира, каждый из которых имеет и комнаты для ночлега. Из них на отшибе три, в том числе и этот. Но он как раз не дешевая ночлежка. Так что эту троицу к бродягам отнести никак нельзя. Однако и те, кто может позволить себе хорошего коня, селятся на окраине не просто так. Сейчас они в городе, не настолько он велик, что верхом из конца в конец добираться. И если их нет здесь, то они сидят в трактире Юайджи. Слышал о такой? Должен был слышать... В ее заведении шумно и многолюдно. А их интерес там, где развязываются языки.

– Это еще что за интерес? – не понял Клокс. – Они мытари, что ли?

– Охотники, – ответил Юайс. – Черные егеря.

– Здесь? – усомнился Клокс, в изумлении повернулся к Дойтену, хлопнул себя по коленям. – Что им здесь делать? Разве мы у Бейнского леса? Или у Черной Гряды? Мы в добром Сиуине, да будет благословен его славный король! Какие егеря? Я уж забыл, когда и поодиночке с ними сталкивался!

– Все четверо, – кивнул Юайс. – Но каждый – сам за себя. Один из них мискан, как Гао, другой, как и ты, снок. Третий – дорчи. Четвертая – женщина. Ардка.

– Чтoб я сдох! – разинул рот Клокс. – Ты слышал, Дойтен? Он издевается. Роут веселил меня не раз, но насмехаться надо мной себе не позволял. С чего ты взял всю эту чушь? Я не заметил буквиц на крупах коней.

– Не туда смотрел, – с улыбкой поправил усы Дойтен. – Сколько можно тебя учить, Клокс? Ты судья или я? А ведь ты ходил и в защитниках? Только мискан украшает сбрую коня всякой ерундой, и только снок кладет под седло потник с кожаной бахромой. Не согласен – выйди во двор да погляди на свою кобылу, если ее еще не расседлали. Или ты сам не заезжал на рынок в Сиуине и не подбирал себе снокский потник? Что касается третьего коня, только всадник высокого роста ладит так стремяна. Значит, третий – ард, сеол или дорчи; кто еще отличается высоким ростом? Я ард и, признаюсь, не встречал ни одного снока, который хотя бы сровнялся со мной ростом. И я согласен, что на вороном в Граброк прибыл дорчи. Вот уж у кого поучиться скромности. Ничего лишнего в сбруе, зато каждый ремешок чуть шире обычного. И ни одной ненужной заклепки. Только то, что надо. А те, что есть, – зачернены. Я, правда, не понял, почему они все охотники...

– Однако на сером жеребце тоже ничего лишнего не было, – сдвинул брови Клокс. – А стремяна выставлены так же, как и на гнедых. И заклепки зачернены. Почему ардка и почему женщина?

– Кстати? – поднял брови и уставился на Юайса Дойтен.

– Потому что во всей Ардане есть только один такой конь, – ответил Юайс. – И он принадлежит женщине, которая смогла с ним сладить. Я бы без особой нужды не взялся седлать этого жеребца.

– И кто она? – спросил Клокс.

– Глума. Слышал о такой?

– Глума?.. – донесся изумленный шепот из-под капюшона Гаоты.

– Что-то витало, – прищурился Дойтен. – Кажется, в предгорьях Черной Гряды ее зовут безумной бабой?

– Ну, я тоже слышал, что один из усмирителей Священного Двора слегка безумен, – рассмеялся Юайс.

– Гнусный поклеп, – отмахнулся Дойтен. – Если так и говорят, то только про усмирителя из первой тройки. Про Дэта. Я в порядке.

– Не сомневаюсь, – кивнул Юайс. – Только про Дэта говорят, что он безумен не слегка.

– Он сам когда-то был черным егерем, – подал голос Клокс. – Это просто так не проходит!

– Пожалуй, – прищурился Юайс. – Правда, сам недугами не страдаю. Но знаю по именам многих охотников с этой стороны гор, не только Глуму. Хотя с Дэтом не сталкивался... И поверь мне, Клокс, егеря в Граброке не просто так. И мне это не нравится.

– Значит, все-таки не бродяга? – крикнул судья. – Из егерей? Чего же не сказал раньше?

– Зачем? – пожал плечами Юайс. – К тому же это было давно.

– Давно? – фыркнул Дойтен. – Сколько тебе лет, наставник? Тридцать? Ну, тридцать пять? Что такое это твое «давно»?

– Десять лет прошло, – сказал Юайс. – Хотя я... наезжал к старым знакомым и позже.

– Поохотиться? – хохотнул Дойтен. – А до того? Ты что же, зеленым юнцом пристал к егерям? Или тебя таскали с собой, как мы вот эту девчонку? И ты стал егерем? Не смей мою кобылу!

– Я был бы рад повеселить твою лошадку, но...

Юайс сдвинул рукав и показал серебряный браслет.

– Мать моя... – прошептал Дойтен. – Тэрский запяст? Именной? С заговором от укуса бешеного зверя и от колдовства? С клеймом тэрского короля? Говорят, что не так просто пройти испытания тем, кто хочет стать егерем. А уж чтобы получить такой знак...

– Жизнь испытывает, – пожал плечами Юайс. – Только дело не в браслете. Тем более что от укуса бешеного, да и любого, зверя он не помогает. Я снял с него все заговоры, незачем тянуть на себя внимание колдунов. А вот проходить с ним граничные дозоры королевств самое то...

– Вот как... – задумался Клокс. – А я еще дивился на твой меч... Отчего же ты... Впрочем, не мое дело. Кажется, что-то начинает сходиться. Вот Брайдем, старый пень! Ты ведь наставляешь воспитанников в следоведении?

– В том числе, – кивнул Юайс.

– И есть толк? – покосился на девчонку судья.

– Скоро узнаем, – неопределенно вымолвил Юайс.

– Узнаем... – пробормотал судья. – А почему Брайдем сделал из тебя защитника? Почему не усмирителя? Почему у него усмирителем баба? Эта... Пайсина?

– Может быть, потому, что я ее могу заменить, а она меня нет? – предположил Юайс. – И, кстати, защитника он из меня не делал. Мы с Роутом были представлены ими Двору по его просьбе. Разве не Белый Храм покровительствует Приюту? Верховные сэгаты мудры, если смогли предусмотреть необходимость подмены.

– Подмены! – напряг скулы Клокс. – Такого защитника, как Мадр, никто не заменит. Если бы он не пропал год назад, я б до сих пор горя не знал...

Клокс хотел сказать еще что-то, но из глубины трактира донесся странный, как будто судорожный хохот, сменившийся рыданиями. Вслед за этим сидевший в зале лекарь отодвинул пустое блюдо, поднялся, «околесил» брюхо и затопал к лестнице.

– Смотри, судья, чтобы Дойтен не пропал, – склонил голову, блеснув из-под локонов голубыми глазами, Юайс. – А то ведь выдаст тебе Брайдем на подмену Пайсину. Тогда ты точно наплачешься.

– С чего это я должен пропасть? – удивился Дойтен. – Хотя, Клокс, по мне так лучшего усмирителя, чем баба, и не придумаешь. Я, правда, так и не понял, с каким горем ты познакомился после исчезновения Мадра, но ты бы лучше в самом деле прикинул: что за охота намечается в Граброке? Уж не за нашей ли добычей прибыли умельцы?

– Бред, – отмахнулся Клокс. – Нет никаких драконов не только в этом королевстве, но и в соседних. Их вообще нет в Талэме! Попомни мои слова!

– Вот и посмотрим, – зевнул Дойтен. – Только я сначала прикончу трактирщика. Где, демон меня раздери, еда и вино?

Здоровяк хотел уже в третий раз испытать прикладом ружья прочность пола, но стук башмаков раздался снова, из-за лестницы показались служки с подносами, на которых исходило паром что-то горячее и, судя по запаху, восхитительно вкусное, за ними мелькнула еще чья-то гибкая фигурка – одна или несколько, зазвенела жесть, загремела струя воды, и возникшая вокруг путников суета тут же обратилась приятностью. Четверке пришлось стянуть с уставших ног грязные сапоги, но жестяные корытца с горячей водой стоили мелких хлопот. Ловкие пальцы содрали со ступней подкисшие обмотки, направили ноги в горячее, подстелили ветхие холстинки и подставили низкие валенцы. Да что валенцы, если уж и запах баранины окончательно поселился в ноздрях, да и сама еда на придвинутом к лавкам столе требовала не только немедленно внимания, но и немалого усердия? До разговоров ли, если рот полнится слюной? Видно, хозяин трактира знал об этом, потому как появился, только когда часть угощения уже перекечевала в животы путников. Седой трактирщик был не только ниже ростом и шире телом, чем старик, что открывал четверке ворота, но и куда моложе его годами. Впрочем, ни его возраст, ни изрядный живот не умаляли его же бодрости, а уж шириной улыбки с ним состязаться было и вовсе бессмысленно. Правда, на мгновение он ее стер, когда прикрикнул на служек, повелев им убираться с глаз долой, да поторопил рыжую девчонку, которая шустрила под столом за четверых, убаюкивая ноги гостей трактира теплой водой, хотя и показала удивленное лицо из-под стола только однажды, когда обнаружила в своих руках не пару провонявших от долгой дороги мужских лап, а две тонких и изящных ступни.

– Фиу! – весело присвистнула, заставив снова спрятаться под столом девчонку, Гао.

– Транк! – едва не расплескав воду, вскочил с места, обрадовался подошедшему старику Клокс. – Жив еще, развалина?

– А что мне сделается? – поправил дрожащей рукой прижатую к уху слуховую трубку старик. – Или не мой отец дверь вам открывал?

– Так это Аол был? – поразился судья. – Однако не признал я его, не признал. Был белым, а стал лысым, что мое колено. Но прежней стати не растерял, хотя и высох до костровой треноги. Похоже, ты объедаешь отца? Ну ладно, я рад тебя видеть. Выходит, и ты еще помесишь глину Граброка?

– Это вряд ли, – хмыкнул трактирщик, поочередно поклонившись гостям и усаживаясь напротив. – Отца жизнь сушит, а меня квасит, как и мою матушку квасила, и долголетия ей это не прибавило. Ты же знаешь, засушенное дольше хранится. Да и зачем месить глину, если на улицах города устроены дощатые тротуары, а кое-где имеется даже и мостовая? Да, новый бургомистр не оставляет Граброк своей заботой. Так же, как и наш славный король. Младшего брата прислал для проверки готовности города к очередному празднеству, самого герцога Диуса. Как всегда, впрочем. Так что на улицах – чистота и порядок, в сердцах – благоволение. Только это ж все в городе, а не за его стеной. Или ты опять с востока? Если всю жизнь окочками пробираться, то нечего на дороги пенять. Иска! Ишь, затихла... А ну брысь отсюда! Посматривай издали. Если трапеза затянется, будь готова горячей воды подлить. Давно у нас не было таких дорогих гостей. А вы как думали? Помощница моя каждому встречному-поперечному корытце с теплой водой под ноги не тычет. Я вас уже три дня как жду. Все здесь? Как положено? Судья, палач, печальник? Или как там? Защитник?

– Не палач, а усмиритель, – поправил трактирщика Дойтен, выуживая из блюда кусок мяса на кости и запуская в него зубы.

– Кому усмиритель, а кому и смертушка в полном обличии, – с уважением пробормотал Транк и поклонился Дойтену еще раз. – И девка с вами?

– За околицей поймали, – скривился Клокс, покосившись на девчонку, которая так и не сдвинула на затылок капюшона. – Комната готова?

– Три! – расплылся в улыбке трактирщик. – Три комнаты с чистыми постелями заждались уже. Как голубь прилетел, ко мне сразу нарочного из ратуши – мол, едут. Так что все чин по чину. И поест, и поспать, да простят меня все сэгаты Сиуина. И что же теперь? Четыре комнаты ладить?

– Одну! – погрозил трактирщику пальцем Клокс. – Забыл уже мои правила? Есть еще места?

– Есть, как не быть, – закивал трактирщик. – Паломникам рано. До конца месяца пять дней, шествие к нам придет пятнадцатого... Сколько там выходит... У меня ж полтора десятка комнат, а заняты только восемь. Есть и большая, та самая...

– Вот! – хлебнул из кубка Клокс. – Одну, но большую. Ту самую, под коньком крыши. С решеткой и ставнями на окне. С хорошей дверью. На четыре лежака. Да устрой занавеску для девки. И воды ей приготовь теплой ведро. Да таз. А если чего не понимаешь, у жены своей спроси. Все хорошеет, наверное? Или вот у служанки своей шустрой!

– Племянница она мне! – закивал трактирщик. – Всей радости у меня – два сына да племянница. С ними и справляюсь. Сыновья вам и подносили.

– А хохотал кто? – нахмурился Клокс. – Или мне почудилось?

– Да все тот же убогий, – поморщился Транк. – Приютили дурачка, что ж теперь делать? Амаданом его кличут, ты же помнишь мальчика? Подросток, правда, но он безобидный. Даже помогает иногда.

– Помню-помню, – кивнул Клокс. – Значит, все сладится?

– Все сделаю. Что ж творится-то, что ж творится... Но прибыли, оно и ладно. Значит, обойдется.

– Что обойдется? – не понял Клокс и отодвинул кубок, который успел опорожнить в очередной раз, но теперь только наполовину. – Ты чего трясешься, друг мой?

– Ну как же? – испугался и даже отнял трубку от уха трактирщик. – Так все говорят... Явление...

– Какое еще явление? – насторожился Клокс.

– Так то самое же! – снова приставил трубку трактирщик. – Какое пятнадцать лет назад в Гарэ было. На полпути отсюда в Тэр. Все же говорят... Все приметы опять же...

– Приметы? – переспросил Юайс.

– Они, – закивал трактирщик. – На той неделе петух яйца стал нести у горшечника. Арка в новом храме трещину дала. Часы на ратуше встали. Нечисть какая-то над рекой носится, воет ночами – волосы дыбом встают. Опять же с месяц или больше зверь какой-то появился. Сначала кузнеца прикончил, только того вовсе не нашли. А потом уж совсем страх потерял. Бортника разорвал в лесочке, двух стражников из ночного дозора на улицах, бабу-молочницу, старика-сапожника, а под охоту не ведется. Мало того... – Трактирщик наклонился вперед и прошипел вполголоса: – Кое-кто сказывал, что покойники сами к мертвецкой приходили! Собственными ногами! Это болтовня, конечно, но с месяц назад я сам кровавый след видел. Ужас какой-то. Весь город как перед казнью. Правда, бургомистр из Тэра егерей выписал, никаких денег не жалеет. Как раз пятого дня прибыли. Правда, к тому времени уже и все улицы частоколом перегородили, и караулы усилили. Вроде пока утихло. Может, ушел зверь? Но егеря пока здесь, ладно. Но виданное ли дело, чтобы мертвецы ходили?

– Пока сам не увижу... – буркнул с набитым ртом Дойтен, – не поверю. А если мертвеца увижу, который сам своими ногами в мертвецкую шагает, так и увидав, не поверю.

– В сердцах благоволение, говоришь?... – медленно вымолвил Клокс. – Ты уж выбирай, Транк, – или благоволение, или явление. Не сходится одно с другим. И в Гарэ, кстати, все иначе было, да никто так и не появился пятнадцать лет назад...

– Только часовня рухнула, да множество горожан погибло, – заметил Юайс. – И еще кое-что стряслось, пусть и в отдалении. Много крови, очень много. И это не считая мелких неприятностей.

– Ты и там охотился, что ли, пятнадцать лет назад? – оскалил зубы судья. – Или на той службе присутствовал в Белом Храме?

– Жив, как видишь, – ответил Юайс. – Значит, не присутствовал.

– Лучше одна большая неприятность, чем десяток мелких, – проворчал Дойтен, откладывая кость. – Бешеного пса и пристрелить можно, а попробуй пристрели осеннего комара! Только если пес размером с быка, я б не рассчитывал на свое ружье... Явление, демон его раздери... Может, еще Нэйф своими ножками из Тэра вернется, пройдет через Граброк? Как раз срок.

– Не кошунствуй! – ударил ладонью по столу Клокс. – Нэйф благословенный уже тысяча двести восемьдесят лет при дворе небесного Вседержателя защитником за всех нас!

– Да кто бы спорил? – ухмыльнулся Дойтен. – Только нас-то сюда не на явление прислали. Тут бы и двух троек не хватило. И даже всех сэгатов Святого Двора. Они же вроде как в прошлый раз гуртом в расход пошли?

– Дойтен! – еще сильнее ударил по столу Клокс.

– А зачем же вы здесь? – удивился Транк. – Разве...

– Разве, – раздраженно кивнул Клок, расстегивая ворот котто. – Или ты о драконе ничего не слышал?

– О драконе? – поднял брови Транк. – Откуда ж драконы? Тысячу лет никто о них не слышал, и вдруг дракон? У нас и гор-то почти нет, так, взгорок корявый в паре лиг к югу. Где ж тот дракон? Это ж не иголка, между половиц не спрячется. Говорили в начале месяца, что корова у нашего сэгата пропала, то ли целиком, то ли наполовину, но при чем тут дракон? Можно было что-нибудь и половчее придумать. Я вам скажу, что этот наш сэгат – он такой жмот... За медную чешуйку удавится. А на дракона не только корову списать можно. Целое стадо. Тут разбираться надо.

– Вот и разберемся, – пообещал Клокс. – Не сомневайся. И не носи всякую чушь. Ни про мертвецов, ни про петухов. Ни к чему. Поспеши устроить нам комнату, завтра и начнем. Да прикладывай трубку к уху почаще. Моего интереса на все хватит – и на дракона, и на зверя, и на всякие явления, демон их раздери, и на нечисть, и на другую ерунду. Не обижу.

– Подожди, Транк, – остановил было двинувшегося восвояси трактирщика Юайс. – Кто восьмой?

– Восьмой? – не понял трактирщик.

– Четыре охотника, – перечислил Юайс. – Эти трое, что были в зале. Двое остались, но всего – семь человек. Если по каморке на брата. Кто восьмым остановился в трактире?

– Так эта, как ее... – поморщился трактирщик. – Назвалась как-то. Уже и не помню. Баба. Вот ведь редкость бабу встретить в дороге без провожатого, а тут сразу две. Охотница, что словно демон в котто, и эта... как же ее... И ведь пешком пришла. Монашка вроде, но без диска и без колеса на груди.

– В черном платье? – нахмурился Юайс. – Два платка. Черный по верх белого. Повязаны наглухо, вокруг горла. Так ведь?

– Точно! – обрадовался трактирщик. – А к ней-то какой интерес?

– Никакого, – раздраженно вмешался Клокс. – Нехрамовая паломница, мало их, но еще попадаются. Невестами Нэйфа они прозываются. Нищета. Эта, выходит, побогаче других, коли у тебя остановилась. Одно слово – дура. Если она, конечно, не на дракона пришла посмотреть...

– Да выкиньте это из головы, – махнул слуховой трубкой трактирщик и заковылял прочь.

– Я так и думал, – похлопал себя по животу Дойтен, когда трактирщик скрылся за лестницей. – Откуда бы он мог взяться, дракон? Это ж не пичужка какая. Если он где-то и уцелел, то пока летел бы в наши края, не остался бы незамеченным. Какая-то тут есть обманка. Их же уже тысячу лет как перебили? Или нет?

– Будь готов ко всему, – пробормотал Клокс, взглянув на ружье усмирителя. – Перебили не перебили, а чтобы без сюрпризов.

– Без сюрпризов у нас не бывает, – зевнул Дойтен. – Я-то уж всегда готов, не сомневайся. Только мы тут на неделю, не меньше. Явление, топором его по загривку... Этого нам лишь не хватало...

– Кто присылал весть о драконе? – спросил Юайс, насторожившись, потому как спящий за столом путник поднял голову, обнаружив длинные обвислые усы и куцую бородку на бледном лице, и как будто прислушивался к чему-то.

– Голубятню держит местный сэгат, – ответил судья. – Тот самый, у которого что-то с коровой. Даиром его зовут. Жмот он или не жмот, но с него завтра мы и начнем. С голубями, правда, его помощник управляет, Калаф, но это не важно. Ты к Даиру пойдешь, Юайс.

– Почему я? – спросил защитник.

– Ты его не знаешь, – объяснил Клокс. – А я послушаю сначала тебя, а потом уж и его. К тому же, если в Граброке герцог, мне уж точно следует прийти да поклониться ему. И с новым бургомистром переговорить, без этого нельзя. А ты... занимайся, если такой зоркий. Да не забудь мантию накинуть. На себя и на эту... Гаоту.

– Работай, защитник, – ухмыльнулся Дойтен. – И молись, чтобы не было тут никакого дракона. А уж если и будет...

Слова Дойтена прервались оглушительным ревом и как будто утробным рычаньем. Звук был приглушенным и донесся из-за стены трактира, с той стороны, откуда вошли в него путники, но заставил вскочить не только Юайса и всех его спутников, а и вежливого едока в зеленом котто. Спящий бледнолицый усач уже и так стоял на ногах. Через несколько минут все они вместе с трактирщиком и его сыновьями, с обнаженными мечами, факелами и кольями наперевес стояли под вновь зарядившим дождем у охранной будки, в которой еще недавно храпел Цай. Стражник, лежа в грязи, еще дергался и вращал безумными глазами, но его минуты истекали. Горло бедняги было разодрано, а от одной из ног не осталось даже обрубка, хотя руки и пытались найти опору, хватались за Дойтена, за руки Юайса, за угол будки.

– Вербку! Тряпки! Он обезумел! – начал было орать удерживающий голову стражника Дойтен, но Юайс, который присел, положив руки на грудь умирающему, крикнул усмирителю в лицо:

– Нет!

– Что «нет»?! – закричал в ответ Дойтен.

– Не нужно ничего, – отчеканил Юайс, который и сам сравнился бледностью с побелевшим стражником. – Не умирает, он уже мертв. Посмотри на его горло. И четверти этой раны хватило бы, чтобы убить человека. Я уж не говорю о ноге... Вот только крови мало почему-то...

– Мертв? – отскочил в сторону Дойтен. – Как это – мертв?

– Вот так... – прошептал в тишине Юайс.

Лишенный ноги стражник, едва Дойтен отошел от него, ухватился рукой за угол будки, перевернулся и пополз к воротам в ограде. Растерзанная шея его подломила, и голова повисла на остатках плоти где-то под грудью.

– Нэйф благословенный! – в ужасе завыл трактирщик.

– Как это прекратить? – пролепетал Дойтен.

– Сейчас, – сказал Юайс. – Держите факел над ним.

Дойтен подхватил факел у одного из сыновей трактирщика, что застыли столбами за спиной собственного папаша, а Юайс вытянул из ножен странный, чуть изогнутый меч с длинной рукоятью. Погладил вспыхивающее серебром лезвие, рассек край собственной ладони, смочил острие кровью и, подойдя к почти доползшему до ворот Цаю, прошептал что-то и вонзил меч ему под лопатку, тут же отойдя на пару шагов. Причудливая рукоять задрожала, на спине стражника проступило алое пятно, которое медленно втянуло в себя огненные щупальца, переползло на меч, мгновенно нагрело его, заставив зашипеть плоть вокруг клинка, и угасло на рукояти. Цай обратился в бездыханное тело тут же, едва свечение покинуло его тело.

– Вот так, – проговорил в наступившей тишине Юайс, прихватывая рукоять меча рукавом котто и выдергивая его из тела. – Не своей волей этот мертвец пытался ползти. Думаю, что всем видевшим это лучше пока помалкивать.

– Всем ясно? – рявкнул побледневший Дойтен.

Ответом было молчание. Свидетели словно окаменели.

– Юайс! – спросил Клокс, который потерял где-то валенец и теперь пытался приладить вторую ногу, уже вымазанную в глине, в половинную обувку. – Когда ты успел надеть сапоги?

– Сразу же, – ответил Юайс, убирая меч в ножны. – Почему этот стражник спал за пределами города?

– А кто его знает? – ежась от холода и от испуга, подал прерывающийся голос один из сыновей трактирщика, чернявый подросток. – Вроде он раньше и сидел в ней. Это что, магия была?

– Бургомистр сказал, что будка больше не нужна, тем более что на ночь все ворота запираются, в город можно войти только по тракту, – добавил второй, белобрысый, как и его отец. – Может быть, Цая ноги сами в нее привели?

– Не помню, чтобы он мог ходить, нажавшись, – буркнул Дойтен. – Однако ползти без ноги, да еще мертвяком, смог. Интересно только – куда.

– Известно куда, – пролепетал трактирщик, – в мертвецкую. Они все туда... приходили. Говорят...

– А ну-ка, – попросил Юайс Дойтена, – толкни-ка ворота.

Дойтен обернулся, поднял факел, шагнул к воротам и толкнул створки. Они со скрипом разошлись. За воротами во тьме, почти без единого огонька, лежал город.

– Запираются, говоришь? – посмотрел на светловолосого сына трактирщика Юайс.

– Уважаемый! – повернулся судья к усачу, который вместе с седовласым едоком собрался возвращаться на постоянный двор. – У тебя есть комната?

– Есть, – буркнул усатый. – Там же, где и у вашего почтения. По соседству. Под самым коньком моя каморка. Но какой я «уважаемый»? Бас мое имя. Травник я. По осени в этих краях селяне целебной ягодой торгуют. Если что, к вашим услугам.

– А чего ж ты, Бас, спал за столом? – не понял судья.

– Слух тонкий, – объяснил травник. – Дождь по крыше шумит, заснуть не дает.

– Услышал, что ли, пакость эту? – спросил судья.

– Услышал, – кивнул травник. – Он ведь сначала загрыз бедолагу, потом только зарычал.

– Причем бедолага даже не пикнул, – заметил Юайс и нашел взглядом Гаоту, которая замерла тенью в двух шагах от судьи. – Ты как?

– Испугалась... – прошелестела она. – Очень...

– А чем воняет от него, Бас? – поинтересовался судья. – Знакомое что-то? Усы-то тебе нюхать не мешают?

– Они у меня как у кота, – проговорил Бас. – Дрянью от бедолаги пахнет. С десяти шагов чую. Насчет ворожбы не скажу, но поверх вина с сонной травой влита в него смесь из мускуса, горелого жира и пьяного меда. Да еще сапоги обмазаны свиным дерьмом.

– Это что за питье такое? – удивился судья.

– Это не питье, – пробормотал Юайс. – У егерей это так и называется – дрянь.

– Дрянь? – не понял судья.

– Дрянь, – развел руками травник и двинулся обратно в трактир.

– Дрянь, – кивнул седовласый в котто, вздохнул и тоже пошел прочь. Юайс смотрел им вслед так, словно видел в темноте. Сыновья трактирщика остались с отцом.

– Жена у Цая – стерва, – буркнул трактирщик, выколачивая дрожащей рукой воду из трубки. – От нее он в этой будке прятался. Я его частенько тут видел. Она была муженька. За дело, конечно, за пьянство, но уж лучше б была и дальше...

– Ну и где эти егеря? – поинтересовался Дойтен. – Магия, конечно, по нашей части, с этим еще разбираться и разбираться, но зверь-то – их? Ушел с добычей. Большой зверь и сильный. Нogu вырвал. Не откусил, а вырвал. Не, это не волк...

– Медведь? – спросил Клокс.

– Может быть, – пожал плечами Дойтен. – Топтать надо было меньше. Но когти вроде есть. Вот, на будке в том числе.

– Транк. – Клокс посмотрел на трактирщика, который переминался с ноги на ногу. – Давай-ка, старина, под крышу, да держи дверь открытой. Мы скоро. И пошли кого-нибудь к городской страже. Только не в одиночку. Неужто и в самом деле... Дрянь, раздери меня на части... И найдите там по дороге мою обувку!

Из-за частокола из города донесся пронзительный и заунывный звук снокского рожка.

– Это из замка, – обернулся чернявый сын трактирщика. – Как герцог прибыл, каждую ночь отмечают. Полночь!

– Разума можно лишиться под такие песни, – поежился Дойтен. – Повеселее у них ничего не было?

– Дай-ка.

Клокс забрал у Дойтена факел и, забыв о том, что он в одном валенце, подошел к будке. Морщась от запаха растерзанной плоти, судья поднес факел к ободранному углу будки.

– Кажется, и это наша работа, – сплюнул Дойтен. – Удружил ты нам, Цай, нечего сказать. Плакал мой долг. Но к вдове сходить придется... хотя что толку? Оборотень, скорее всего. Слышал я об этой дряни. Приманка оборотня. Причем дикого.

– Или медведь, – не согласился Клокс.

– Медведь в эту пору уже в лежку собирается, – буркнул Дойтен. – Вряд ли. Оборотень, скорее. Только откуда он взялся? Тем более вблизи тракта? Сколько уж лет ничего похожего...

– Оттуда же, откуда и дракон, – прошептал Клокс и посмотрел на Юайса, который вновь присел возле тела. – Что скажешь, бывший егеря? Делить магию и зверя или все из одного русла?

– Да что там говорить? – махнул рукой Дойтен. – Идти к бургомистру и готовить большую охоту. Загонять надо зверя, кто бы он ни был! Тем более егеря здесь... Вот ведь... Не зря моя лошадка задрожала от его воя.

– Юайс! – снова окликнул защитника Клокс.

– Ничего пока не скажу, – выпрямился Юайс. – Но жаль, что я не подошел к стражнику, когда мы подъезжали к городу. Могло оказаться, что он уже был мертв или едва жив.

– Мертв? – выпучил глаза Клокс. – Да он тут храпака давал!

– И полз без ноги и с переломанной шеей, – кивнул Юайс. – Тебя не удивляет, что крови мало? Что на руках следы пут? К тому же у него рана на руке под рукавом. Защита грубо, через край суровой ниткой. Кажется, кровь из него выпустили едва ли не всю. Причем не так давно. Так что был кто-то еще кроме зверя. И вряд ли он охотился на оборотня... Подозрительно. Кажется, я начинаю понимать Брайдема. Роуту тут не место. Все ушли? Давай, Гао. Помнишь наставления? Где зверь? Куда ушел?

Девчонка, которая замерла тенью в стороне, расправила плечи, скинула на плечи капюшон, оказавшись юной черноволосой красавицей, задрала подбородок и, закрыв глаза, подставила лицо под капли дождя. Клокс поднял факел еще выше, шагнул к ней, вглядываясь в тонкие черты. Мокрые волосы спутались у нее на щеках. Как и Юайс, она была в сапогах.

– В город, – дрожащим голосом ответила, не открывая глаз, Гаота. – Зверь ушел в город. Большой зверь.

– Как ушел? – поморщился, поднял грязную ногу Клокс. – И ворота за собой прикрыл?

– Не знаю, – прошептала Гаота. – Большой зверь... Но не самый опасный.

– А кто самый опасный? – не понял Клокс.

– Много, – пробормотала Гао. – Не вижу пока. Но много. Очень опасны. Весь город опасен. И будет еще опаснее. Я чувствую...

– Это все? – вновь обратился в цаплю, стоящую на одной ноге, Клокс.

– Нет, – мотнула головой девчонка, открыла глаза и прошептала: – Голова разрывается на части. Болит. Колдовство. В городе – колдовство. Но завтра будет солнце!

Глава 2

Гаота

Жизнь юной мисканки поделилась на две части три с половиной года назад. Едва не обрвалась вовсе. Ей только что исполнилось десять, отец – странствующий лекарь – преуспевал, потому как не только был знатоком трав, но и, по мнению многих, имел способность видеть всякого недужного бедолагу едва ли не насквозь, а значит, полезно совмещал в себе и травника и знахаря. Мать была счастлива рядом с отцом и тремя дочерьми, готовясь разродиться четвертым ребенком. Возок поскрипывал новыми колесами, да и пара лошадок была молода и резва. К тому же копились понемногу монеты, и до исполнения мечты о покупке домика у моря где-нибудь в Аршли, а то и на окраине Ашара оставалось всего лишь года три или четыре странствий. Тем более что слава удачливого лекаря неизменно обгоняла его возок. Она не изменила ему и весной одна тысяча двести семьдесят седьмого года в маленьком королевстве Нечи, которое служило затычкой между вершинами гор Черной Гряды и волнами моря Ти. Там, за крепостными стенами и земляными валами Нечи, начинались просторы Айлы, Дамхара, Фьюла и всего дикого и опасного. Там вечно клубилось что-то неизвестное и страшное. Оттуда то и дело выплескивались разбойные орды и стаи всевозможной мерзости. И хотя воины Нечи, слывшие едва ли не самыми суровыми воинами Арданы, отражали все набеги и нападения, даже мелкие стычки множили раненых и увечных. Так что лекарь, и уж тем более хороший лекарь, всегда мог рассчитывать на то, что его умения будут востребованы в Нечи. Так вышло всегда, и точно так же вышло и в тот раз.

Отец едва успел миновать городские ворота, как гонец самого короля развернул лекаря к замку, где нашлось применение не только его талантам, но и стараниям юной Гаоты, которую мать приводила к мужу всякий раз, когда хитрая хворь ускользала даже от зоркого взгляда лекаря. Гаота, считавшаяся озорницей и среди озорных сестер, старалась не прыснуть со смеху, наплевала на лицо самую серьезную гримасу из тех, что были у нее в запасе, надувала губы и безошибочно указывала, что на самом деле болит у какого-нибудь вельможи или, к примеру, обычного конюха, и какие важные, но невидимые снаружи части тела задела попавшая в доблестного стражника подлая диргская стрела. Отец со всем вниманием прислушивался к советам дочери, задавал ей уточняющие вопросы, затем обращался к снадобьям и травам, применял их так, как должно, и добивался в трудах неизменной удачи, тем более что его дочь была слишком юна и неопытна, чтобы скрывать горе, если кто-то из недужных оказывался действительно безнадежен. Слезы выкатывались из ее глаз и лились безостановочно, несмотря на всю ее веселость. Изредка, если надежда на исцеление еще теплилась и слезы стояли в глазах дочери, но не бежали по ее щекам, отец призывал мать Гаоты, которая вместе с ней накладывала на больного руки и, как она говорила, вытаскивала несчастного на белый свет. Лоб матери в таких случаях покрывался бисером пота, а Гаота опять надувала губы и с трудом сдерживалась, чтобы не прыснуть со смеху, потому как ладоням ее было щекотно, и ей казалось, что она могла бы вытащить и тех больных, которые и она сама, и ее отец определяли как безнадежных, но только в том случае, если бы была сильнее в тысячу раз и во столько же раз больше, потому как всякий раз обрушивать в бездну немощи, туда, где у больного уже не было ни здоровья, ни силы, а иногда уже и самой жизни, приходилось саму себя. А что обрушивать, если в ней самой было меньше трех локтей роста и ее ручки и ножки казались так тонки, что не перламывались, как смеялись ее старшие сестры, только благодаря ее редкому везению?

Так или иначе, но в последний день лекарских трудов в замке Нечи, когда отец уже собирался перебираться на посад или в слободы, незнакомые люди принесли еще одного больного. Дело было поздним вечером, почти ночью, и отцу пришлось разбудить Гаоту. Она увидела удивительно худого человека с обожженными руками и грудью и впервые испугалась. Но страш-

ными были не раны, к которым она успела привыкнуть, и даже не то, что, как почувствовала Гаота, у несчастного не только обуглилась кожа, но и основательно пропеклись внутренности. И не то, что человек, который находился уже не на пороге смерти, а далеко за ним, все еще был жив. А то, что он все знал. Он видел себя изнутри так же, как видела других больных Гаота. Он знал, что почти мертв, что уже давно должен был умереть, но не умирал. Держался неизвестно как и неизвестно чем, не терял сознания, но было видно, что и его силам наступает предел.

– Замолчи, – прошептал он чуть слышно отцу Гаоты, который попытался расспросить несчастного о причинах столь ужасного ожога, и добавил: – Зови жену, вот эту девчонку, еще есть дети? Всех зови. Пусть делают, что могут. Вот она, – он шевельнул обожженной ладонью, показал на Гаоту, – знает. А ты только давай питье. Я уже мертв, лекарь. Будешь лечить меня, когда оживу. А это можно сделать только через ту силу, которую в твою семью принесла твоя жена. Старайся, не пожалеешь.

Они прибежали все. Гаота, две ее сестры, мать. По требованию больного положили руки прямо на спекшееся мясо на его груди и начали вытаскивать несчастного из бездны, в которую он погружался с каждым мигом все глубже и глубже. Точнее, вытаскивать стала Гаота, а сестры только смотрели на нее и лишь попискивали чуть слышно, потому как глаза их начинали туманиться, а причин этого тумана они понять не могли. Гаоте тоже было несладко. Она не ощущала ни боли, ни усталости, но чувствовала, как из ее ладоней во что-то – то горячее, то ледяное – уходит она сама. Потом, когда все вокруг начало становиться мглистым и туманным, когда обе ее сестры заснули от изнеможения и свалились на пол, когда уже мать схватила Гаоту за плечи, помогая дочери удержаться на краю бессилия, и отец, который мог так немного в сравнении с собственной дочерью, тоже положил ладони на ее руки, и даже как будто маленький брат Гаоты в животе матери влил свою крохотную силу в затыкание разверзшейся под пальцами бездны, больной вывалился из небытия на эту сторону жизни и заснул. Гаота отняла ладони от его груди и обнаружила под пальцами два пятна здоровой кожи. Обнаружила – и свалилась без чувств.

Он появился через три дня, но пришел опять поздним вечером. Нашел возок лекаря на городской площади Нечи, вызвал отца, опираясь на обитый медью посох из черного дерева и поглядывая на Гаоту, которая играла с сестрами в камешки тут же в пяти шагах, поговорил с ним. На незнакомце был черный балахон служителя Храма Присутствия, и медный диск на его груди подтверждал эту службу. Когда он ушел, мать спросила: чего хотел этот человек? И заплатил ли он за то, что его вернули к жизни?

Отец, который сжимал в руке оставленный незнакомцем тугой кошель, дал знак семье забираться в возок. Там он высыпал содержимое кошель на пол. Зазвенели, покатались золотые монеты. Заискрился черной цепью небольшой зеркальный диск. Мать упала на колени, накрыла богатство ладонями, подняла наполнившиеся слезами глаза:

– Это за исцеление?

– Не только, – мотнул головой отец. – Только половина этого. Вторая половина – задаток за год службы в Тэре при Храме Присутствия. Если мы туда прибудем через месяц да покажем этот диск, то будем лекарствовать среди священной братии и вельмож Тэра и каждый последующий месяц будем получать столько же монет. И уже через год у нас будет достаточно средств для того, чтобы не только купить домик у моря, но и выдать замуж всех троих дочерей.

– И меня? – удивилась Гаота.

– Не сразу, – успокоил ее отец. – Ты еще маленькая.

– Нет, – качнулась, отчего-то схватившись за живот, мать. – Нельзя соглашаться. Так не бывает. Нельзя. Слишком много денег.

– Хорошо, – побледнел отец. – Завтра он придет, и я отдам ему половину монет. И мы продолжим делать то, что делаем. Хотя могли бы прожить год в тепле, под крышей, не утружда-

ясь сверх меры. Он сказал, что работы будет меньше, чем здесь. И уж таких случаев, как с ним, вовсе не должно случаться. Тэр далек от границ Арданы. Ни западных колдунов, ни диргов, ни имни там нет. Или почти нет.

– Мама! Мама! – возжеленно заныли сестры Гаоты.

– Почему так дорого? – растерла по щекам слезы мать. – Если бы сумма была меньше хотя бы в четыре раза, я бы обрадовалась так, как не радовалась никогда! Но это слишком много, слишком!

– Вот, она, – кивнул на Гаоту отец. – Она сделала чудо, даже не понимая этого. А чудеса стоят денег. И иногда, как ты понимаешь, их платят. Не думаю, что от удачи следует отказываться.

Они не отказались. Выехали через день из Нечи, ушли дальше к востоку, добрались по настоянию матери до Аршли и уже оттуда двинулись на север к Тэру. Если уж и преодолевать полторы тысячи лиг навстречу выпавшей удачи, то по обжитому тракту, где часты дозоры и сёла тянутся одно за другим, а не вдоль опасных гор Черной Гряды. Через неделю после Аршли, когда возок по пустынному можжевелевому плоскогорью выкатывал к южной границе Глиняных увалов, в сердце которых раскинул торговые площади самый большой рынок Арданы – Тарб, Гаоте показалось, что то ли звон, то ли унылое пение раздаётся из сундука.

– Ты что-то слышишь? – спросила ее мать с тревогой.

– Да, – кивнула Гаота, и мать бросилась к сундуку, вытащила из него шкатулку и выдернула, тут же отбросив его на пол возка, зеркальный диск. Он был горячим.

– Что там? – побледнев, спросила Гаоту мать.

Дочь наклонилась над зеркалом и сквозь клубящийся в нем туман разглядела того самого храмовника. Он как будто стоял на высокой башне, раскинув в стороны руки, и раскачивался. И то ли из его уст, то ли от этого движения рождался неприятный, невыносимый звук, как будто в придорожном трактире оставленный без присмотра ребенок ведет пальцем по кривому стеклу. Но очень громко, очень.

– Что там? – обернулся с облучка отец.

– Смерть, – прошептала мать. – Какая же я дура... Тот, кого мы спасли от смерти, призывает тех, кому он обещал то золото, что дал нам.

– Что ты говоришь? – сунулся в возок отец, но диск вдруг потемнел, стал черным, вслед за ним почернела цепь, а секундой позже и то и другое осыпалось пеплом.

– Черный Круг, – вымолвила побледневшими губами мать.

– Что это значит? – не понял отец.

– Гони лошадей!.. – прошипела мать сквозь стиснутые зубы. – Его зов был услышан!

– Чей? – не понял отец.

– Быстро! – закричала мать таким голосом, что отец тут же бросился к лошадям и уже не поднимался с облучка, заставляя возок нестись вперед как можно быстрее.

– Вот, – протянула мать старшим дочерям ножи. – Не отдавайте свою жизнь просто так. Те сидели с вытаращенными глазами, не говоря ни слова.

– А мне? – прошептала Гаота.

– Тебе не нужно, – сказала мать. – Не делай ничего. Останешься жива. А там – смотри сама. Дальше уже будет только твоя жизнь.

– Может быть, обойдется? – прошептала одна из дочерей.

– Может быть, – пожала плечами мать. – Если их будет немного.

– Сколько «немного»? – подала голос другая.

– Полдюжины, – был ответ. – Если больше, уповайте на Вседержателя и на удачу.

Они замолчали, и Гаота, которая смотрела на бледные профили матери и сестер, вдруг поняла, что ее сестры стали взрослыми. В один миг остатки детства слетели с их лиц и обна-

жили то, что следовало разглядеть давно. Две девчонки, которые, в отличие от Гаоты, всегда считались копиями отца, теперь были неотличимы от матери. Они собирались сражаться.

Гаота перевела взгляд на трясущийся от гонки полог и замерла. Напротив нее сидел незнакомец. Но не тот, которого она излечила, на свою голову. Другой. Может быть, он даже и не сидел, а стоял, но она видела только лицо, голову, на уровне своего взгляда. И это лицо словно начало оживать после того, как Гаота заметила его. Сначала оно было просто лицом уставшего, изможденного человека, потом черты его стали меняться, становиться резче. Рас-творилась короткая седина на черепе, и сам череп стал больше и покрылся желтоватой кожей. Провалились глаза и раздались в стороны скулы. Выпятился подбородок, а между растянувшимися в улыбке тонкими губами шевельнулось серое острое языка.

– В глаза, – зашелестело невыносимо в ушах Гаоты. – В глаза мне смотри, тварь!

– Нет, – вымолвила Гаота и зажмурилась изо всех сил.

– Собаки! – закричала сестра, поднимая тент и спугивая морок. – Мы спасены? Но я не вижу охотников!..

– Это волки! – закричал отец, подгоняя лошадей.

– Хуже, – прошептала мать и вытащила из сундука то ли большой узкий нож, то ли меч, который не походил на обычное оружие стражников, уж больно несуразно длинной у него была рукоять. – И их больше десятка.

Сестры побледнели.

– Что значит – хуже? – спросила Гаота, вглядываясь в тени, мелькающие против солнца среди зеленых кустов в сотне шагов к западу. Да, для собак они были слишком крупны, но никакой угрозы не ощущалось от их быстрого бега. Конечно, если не считать угрозой смыкающийся на макушке холод от их вида.

– Не волки, – отрезала мать.

Вскоре дорога пошла в гору.

– Дозор! – кричал отец, размахивая кнутом. – Дозор должен быть перед холмом! Я уже вижу вышку!

Мать выбралась из-под тента и встала рядом с отцом, замерла, словно была с раскачивающимся возком одним целым, и не произнесла уже ни слова. Ни когда вглядывалась в торчащую над кустами вышку, ни когда стало ясно, что дозора ни на ней, ни возле нее – нет. Вместо него всюду валялись ключья истерзанных тел.

– Прости, – произнес отец, посмотрев на мать, и в этот миг не-волки напали.

Гаота не помнила, что в точности происходило в последние мгновения *той* ее жизни. Что-то провалилось в трясину ужаса, что-то было скрыто от нее тентом, во всяком случае, пока он не был сорван, и она вдруг увидела, что повозка неподвижна, ни лошадей, ни отца, ни сестер – нет, а у основания дозорной башни кружится вихрь тел, в котором мелькают звериные заливки, оскаленные пасти и сверкает узкий, чуть изогнутый меч. Потом все распалось на мгновения. В одно из них какой-то голый мускулистый человек копался в сундуках повозки, набивая мешки. В другое – двое таких же голых людей связывали Гаоте руки и ноги. В третье она успела разглядеть истерзанных лошадей, изломанные, разодранные на части трупы отца, сестер и как будто руку матери с зажатым в ней мечом. Рука была оторвана, хотя и лежала на груди из нескольких звериных туш.

Один из голых людей взял этот меч, с некоторым усилием расцепил мертвые пальцы, отбросил обрывок руки в сторону, подошел к Гаоте и, прошипев: «Двенадцать братьев и сестер пали из-за тебя, мерзкая маола! Двенадцать!» – почти ткнул ей его в лицо. Наверное, не ткнул, потому что и это мгновение не было последним.

Потом как будто случился сон, в котором она лежала на спине огромного зверя и еще четыре зверя с закрепленными на спинах мешками бежали рядом. И горы на западе в просве-

тах леса становились все ближе, а сам лес – все темнее и гуще, и это видение оставалось сном вплоть до того мгновения, когда из зарослей орешника полетели стрелы и не-волки кубарем полетели в лесной овраг, где им тоже не нашлось спасения. Последний, который нес Гаоту, будучи уже пронзенным стрелой, повернулся к девчонке, чтобы разорвать вынужденную наездницу, но не успел. Сверкнув над ее головой, узкий меч снес башку зверю. А потом она разглядела за светлыми прядями странные голубые глаза и услышала голос, который сказал ей:

– Живая. Странно. Или тебя кто-то очень любит, или слишком сильно ненавидит.

– Некому любить... – прохрипела она чуть слышно и провалилась в темноту.

Теперь же этот самый голос звучал у нее над самым ухом и повторял:

– Гаота. Вставай. Пора идти в город. А нам еще нужно обязательно размяться и перекусить. За окном солнце, как ты и обещала.

Их было трое. Юайс, Глума и Колан. Светловолосый воин, который двигался словно скользящая по речным струям рыба. Прекрасная охотница, напоминающая вылепленную из мышц упругую статуэтку. Невысокий, улыбчивый крепыш. Они вытряхнули добычу не-волков и, выбрав то, что могло, по их мнению, пригодиться освобожденной пленнице, снарядили ей мешок. Гаоте казалось, что ее сон продолжается, хотя бы потому, что эти трое вроде бы не произносили ни слова, и даже те слова, которые вымолвил при ее освобождении Юайс, остались единственными. Они двигались вокруг нее как тени, и странным образом именно это и успокаивало ее, потому как не могло быть настоящим. Она ехала на лошади впереди Глумы, придерживая на поясе меч матери, который так же молча нацепил на нее Юайс, спала, как и ее спутники, на травяной постели или лапнике, получала время от времени в руки миску с каким-нибудь варевом, почему-то собирала валежник для костра. С ней обращались как с равной, и она даже начинала чувствовать себя равной, хотя бы потому, что научилась понимать спутников без слов. Но ее новая жизнь все еще не началась. Она по-прежнему словно спала, и даже как будто смотрела на саму себя со стороны и удивлялась, что она все еще может ходить, ехать на лошади, разговаривать сама с собой, готовить еду, спать – после всего того, что с нею случилось. Иногда ей казалось, что они уходят от преследования, несколько раз ее спутникам приходилось схватываться с какими-то тварями, но она уже не видела этих схваток, только догадывалась. Всякий раз с ней оставался Колан и ждал, когда все закончится, едва заметно досадуя, что он вынужден исполнять роль охранника.

В конце того ужасного лета, хотя ужасным-то все-таки был самый конец весны, отряд охотников добрался до полуразрушенной крепости в горах.

– Крона, – назвал ее Юайс, и это было второй раз, когда он заговорил вслух.

Руины древних, покрытых мхами стен едва проглядывали между вцепившихся в скалы горных сосен. Внутри единственной, сохранившейся на половину высоты башни горел костер, возле которого сидели незнакомые Гаоте охотники и еще кто-то, непохожий на охотника. Это был чуть грузноватый мужчина среднего роста. В отличие от охотников, он был одет не в короткий котто, а в длинный плащ, словно осень уже наступила, да и всем своим видом напоминал скорее торговца.

«...или лекаря», – подумала Гаота и почувствовала, что слезы, кажется, скоро отыщут дорогу к ее глазам. Она не слышала, о чем Юайс говорил с этим человеком, но тот, прихрамывая, подошел к ней через час, взял ее за руку и спросил:

– Как тебя зовут?

– Гаота, – удивилась сухому звучанию собственного голоса девчонка.

– А меня зовут Брайдем, – грустно и как-то по-родственному пробормотал человек. – Теперь я отвечаю за тебя.

«Перед кем?» – хотела спросить Гаота, но вопрос так и не прозвучал, или она произнесла его неслышно, потому что вскоре она уже сидела перед этим грузным человеком на его лошади, чтобы более чем за месяц преодолеть другие полторы тысячи лиг и оказаться уже не в Тэре, а в другом месте. Завершить длинный путь, минуя крупные города и села, останавливаясь в деревнях и на хуторах. Переправиться через широкую реку Курсу, которая из-за тумана на мгновение показалась Гаоте морем. Заглянуть в синие воды Чидского озера, с опаской поплутать между мертвых холмов Рэмхайнской пустоши, чтобы наконец спешиться у врат странной крепости, зажатой между чудных – как будто собранных из шестигранных стержней – отвесных скал, подбираться к которым пришлось по узкой извилистой дороге.

– Рэмхайн, – сказал ее спутник, который, конечно, оказался гораздо разговорчивее охотников, но тоже за всю дорогу вряд ли произнес больше полусотни слов. – Так называются эти горы. Они красные, но не обращай внимания, красными становятся мхи осенью. Летом они были зелеными. А эта крепость называется Стебли. Или, как все чаще, – Приют Окаянных. Она очень древняя. Такая же древняя, как и Крона, где черные егеря передали тебя мне. Но мы потратили двенадцать лет, чтобы привести это место в порядок. Теперь ты будешь здесь жить. Это место для тех, кто хочет обрести надежду.

– Зачем она мне? – спросила Гаота.

– Все так говорят, – пожал плечами Брайдем. – Пошли. Теперь это твой дом.

– Пошли, – кивнула она, но еще не ожила.

Она не ожила и уже внутри крепости, когда впервые в жизни получила крышу над головой и даже отдельную комнату, в которой вместе с ней жили две ее ровесницы. Шевелились безмолвными тенями. Она их едва замечала. Не ожила, когда впервые столкнулась с другими детьми, в первый год в Стеблях их было немного, меньше двух десятков. Не ожила, когда поняла, что ей предстоит прожить в этом доме несколько лет, и эти дети, и несколько наставников, с которыми знакомил ее Брайдем, будут заменять ей отца, мать, сестер и неродившегося брата. Ожила она только тогда, когда вместе с первым снегом в крепости появился новый наставник.

– Он будет заниматься с вами следоведением, правилами охоты, противостоянием и некоторыми другими науками, – объявил Брайдем, после чего пригласил нового наставника в учебную келью. Вот тогда и началась новая жизнь Гаоты. Увидев Юайса, она рванулась с места, обняла охотника и зарыдала.

– В самом деле, солнце! – заметил Юайс, шагая по деревянному тротуару мимо деревянных же заборов, которыми на окраине Граброка ограждался каждый дом.

– А ты разве не чувствовал? – не поняла Гаота, сторонясь, чтобы дать промчаться мимо них белоголовому мальчишке с вытаращенными глазами, и прикрывая рукой короткую мантию с вышитым золотым колесом, которую пришлось надеть по настоянию Юайса.

Походил к концу только первый месяц осени, солнце пригревало, и Граброк неожиданно оказался полным увядающей зелени, которая, умирая, расцвечивала город желтым и красным, застилая листьями раскисшую от глины улицу, стены и крыши домов, но впереди уже блестели камни мостовой, да и деревянные ограды там же обращались каменными, и дома выползали ближе к дороге, поднимаясь на два, а в отдалении даже и на три этажа. А уж за ними, совсем рядом – высилась башня королевского замка, правее ее изгибал древнюю спину узкий каменный мост, за ним темнела низкая стена городской цитадели, а чуть дальше сверкало на солнце золотое колесо на колокольне недостроенного храма.

– Ты в конце года на испытаниях будешь то же самое у наставника спрашивать? – поинтересовался Юайс, прищурившись вслед пробежавшему мальчишке.

– Зависит от наставника, – фыркнула Гаота. – Раньше тебя ведь это не беспокоило?

– Считаю, что именно поэтому я и выбрал тебя, – сказал Юайс. – Успеваешь лучше других, пропуск занятий тебе не повредит.

– Только поэтому? – надула губы Гаота.

– Ты долго спала нынешним утром, – заметил Юайс. – Пришлось и разминку сократить, и поесть наскоро, и все равно упущенного времени не возмратишь. Посмотри, народ уже идет по домам. Хозяйки возвращаются с рынка. А у нас еще дел не впрок. Я уж не говорю, что надо сначала заглянуть в мертвецкую...

– Ну конечно, – вздохнула Гаота. – Как не начать день с чего-нибудь радостного?

– А ведь нам тут придется несладко, – заметил Юайс, пропуская мимо ушей раздраженную ругань бабки, охаживающей хворостиной козу. – Гораздо труднее, чем я предполагал, когда мы только подъезжали к городу. Так что будь осторожна. Но мы должны управиться быстро. Через двадцать дней тут не протолкнешься. Паломников набегит несколько тысяч. Городок-то, конечно, не маленький, но вряд ли больше пары десятков тысяч жителей.

– Ты не ответил, – буркнула Гаота, уступая дорогу дорожной горожанке, которая не преминула прошипеть что-то раздраженное. – Три года назад просто молчал. Теперь говоришь, а на самом деле опять молчишь.

Юайс остановился, взглянул в заблестевшие глаза спутницы:

– Не узнаю самую озорную воспитанницу Приюта Окаянных. Где твои шуточки и смешки? А я только радоваться начал, что ты вновь стала сама собой.

– Откуда ты знаешь, какая я сама собой? – спросила Гаота. – Ты же меня не видел настоящей.

– Ты теперь настоящая, – сказал Юайс. – А три года назад ты была как открытая рана. К тебе прикасаться было страшно, не то что говорить с тобой.

– А теперь уже можно прикасаться? – Она выпрямилась, даже приподнялась на носках, чтобы хотя бы доставать до груди наставника.

– Если только розгами, – усмехнулся Юайс.

– Мне прямо сейчас заголиться? – с готовностью развернулась Гаота.

– Послушай! – Он положил руку ей на плечо. – Ты можешь относиться ко мне как к отцу, как к старшему брату, как к другу, но для меня ты и в самом деле словно родной человек. Я даже сам не могу понять, как так вышло. И это, признаюсь тебе, мешало мне взять тебя с собой. Брайдем настоял. Сказал, что ты будешь полезнее прочих, потому как здесь следует больше слушать, чем говорить. А ты умеешь слушать. И слышать.

– Не только, – снова надула губы Гаота.

– Надеюсь, твое «не только» не пригодится, – улыбнулся Юайс и двинулся дальше по улице. – Но ты должна понимать, что мы приехали сюда не развлекаться. – Светловолосый вновь стал серьезным. – В городе и в самом деле творится что-то очень гнусное. Та магия, которая заставила мертвого Цая ползти по траве... Я никогда с подобным не сталкивался. И этот дракон – это всего лишь один из листков, опадающих с огромного дерева.

– Драконов нет, – поспешила за наставником Гаота. – Во всяком случае, в пределах Арданы они не появлялись больше тысячи лет. Да и сведения об их появлении в прошлом довольно туманны. Никто не знает точно, драконы ли были с той стороны или наведенное колдовство? Во всяком случае, ни одного сохранившегося скелета дракона нет. Я не пропускала ни одного занятия Роута, особенно когда он наставлял нас в зверологии.

– Драконы изучаются не только в зверологии, – заметил Юайс. – Хотя о причине отсутствия их скелетов я бы задумался. И не только их скелетов. И если ты сможешь разрешить эту загадку, я, пожалуй, буду считать, что весеннее следствие ты сдала еще с осени. Но об этом чуть позже. Запомни главное – по договоренности с ближайшими королевствами Ата посылает тройки вроде нашей не просто для расследования дел, связанных с магическими происшествиями, а для расследования дел, которые могут иметь значение для всей Арданы. И это

очень опасно. Каждому из нас грозит опасность. Если кто-то хочет навредить этой земле и этим людям, мы трое и ты вместе с нами – их злейший враг.

– Разве может кто-то вредить земле? – не поняла Гаота.

– Как тебе кажется: тот, кто поливает землю кровью, он вредит земле или умножает ее плодородие? – снова остановился и присел, рассматривая серые доски, Юайс.

– Ты сейчас про чью кровь говоришь? – нахмурилась Гаота. – И разве кто-то из троек погибал?

– Случалось всякое, – пробормотал Юайс. – Ты видишь?

– Что это? – присела рядом с наставником Гаота.

– Кровь, – показал на пятно Юайс. – Посмотри. Через шагов пять еще одно. А вот это, кажется, след...

На одной из досок виднелся кровавый отпечаток звериной лапы. Точнее, ее край. Пятка, один коготь. Прочее терялось в листе.

– Кто это?... – прошептала Гаота. – Волк?

– Будем считать, что я не слышал твоего предположения, – строго сказал Юайс. – Хотя след и похож на волчий. Его обладатель не склонен к неторопливым прогулкам. Он быстр, стремителен, но способен бежать долго. Думаю, что это все же медведь. Не простой, как ты понимаешь. Ты можешь почувствовать, где он теперь?

– Нет, – вздохнула Гаота. – Там, в трактире, еще что-то ощущалось, а здесь уже нет. Я как будто в темноте. Город накрыт темным пологом. Можно, конечно, постараться...

– Темным пологом... – задумчиво повторил, поднимаясь, Юайс. – Подожди стараться. Кстати, год назад пропал защитник Мадр. А он был...

– Ведь не лучше тебя? – прищурилась Гаота.

– Не могу сравнивать, – сказал Юайс. – К тому же я его не знал. Видел мельком, не более того. Но он испытал многое, был опытным, значит, не мог пропасть по глупости. Держись все время за мной. Нос из-за моей спины без разрешения не высовывай. Слушай и смотри. Смотри и слушай. Иногда от внимательного взгляда зависит удача. Вот что ты вчера видела в зале? Скажи пару слов о тех трех едоках.

– Один не ел, а спал, – задумалась Гаота. – Тот, который назвался Басом.

– Не спал, а слушал, – не согласился Юайс. – Прислушивался да еще вел едва приметную ворожбу. Слушал, о чем мы говорим. Прислушивался к тому, что происходило за стенами трактира. Не прост этот Бас. Одежда неприметная. Лицо – не слишком приметное. Непонятно, настоящая у него борода и усы или приклеенные. И вот еще что. Пришел он пешком, а сапоги у него новехонькие. Мало мне встречалось путников, которые тащили бы за собой в мешке пару сапог, чтобы красоваться в них на постоялом дворе.

– Купил? – предположила Гаота.

– Не знаю, – покачал головой Юайс. – Еще двое?

– Мужчина в зеленом приехал на осле, – наморщила лоб Гаота. – Ему немало лет, но он еще бодр. Одет как торговец древностями. Только движется... мягко. Как Пайсина, когда преподает фехтование или борьбу. Ты, кстати, тоже так движешься. Или почти так.

– Третий? – заинтересовался Юайс.

– Толстяк в балахоне? – прикусила губу Гаота. – У него лекарская бляха на груди. Но она больше обычной. В два раза больше. Зачем? Чтобы ее было видно издалека? Да и балахон... Странно для лекаря. Неудобно.

– Вот! – погрозил Гаоте пальцем Юайс, отходя в сторону и давая очередной злой горожанке прошесть по своим делам. – Смотри и замечай! Людей и птиц. Пусть даже люди в этом городе странно раздражены; может быть, испуганы. Деревья и дома. Ворожбу явную и неявную. Где твоя голова болит, а где болит невыносимо. Уж прости, придется немного потерпеть. Город странный. Трактир странный. Едоки в нем странные. Один хочет быть похо-

жим на торговца, другой на лекаря. Третий сверкает новыми сапогами и останавливается в дорогом трактире, хотя одет в почти нищенский балахон и треух. Мы еще эту невесту Нэйфа не видели... Не останавливаются подобные паломницы в трактирах, только если... Не хотелось бы этого.

– Чего не хотелось бы? – прошептала Гаота. – И что такое «явление»?

– Боюсь, скоро узнаешь... – пробормотал Юайс и вдруг улыбнулся. – Так что выбираешь? Кем сочтешь меня? Отцом или братом?

– Другом, – буркнула Гаота. – А Глума как к тебе относится? Как к отцу или к брату? Ты замер вчера вечером во дворе, когда увидел ее жеребца. Я, правда, не сразу его узнала...

– Глума? – нахмурился Юайс, как вдруг за спиной Гаоты раздался крик:

– Господин защитник! Господин защитник!

По тротуару бежала, размахивая руками, рыжеволосая и конопатая, как фионское яблоко, Иска.

– Господин защитник! – Девчонка остановилась возле Гаоты, перевела дух и прошептала: – Судья велел тебе не заходить ни в мертвецкую, ни к горшечнику, ни на рынок, ни в трактир Юайджи, а срочно идти к храму.

– Что случилось? – спросил Юайс.

– Прибежал посыльный из храма! – налила глаза слезами девчонка. – Ночью на заднем дворе опять был дракон! Сожрал свинью! И сжег самого сэгата! При свидетелях!

Глава 3

Дойтен

Габрок был невеликим городком для всей Арданы, но считался весьма приличным для ее небольшой части – королевства Сиуин, уступая столице числом жителей лишь в четыре раза, а близкому Гару – в два. Но Гар лежал уже в тэрских землях, а для Сиуина Габрок с его не слишком грозной, но все же цитаделью, ратушей, пока еще не достроенным новым храмом, летним королевским замком, немалым количеством каменных домов да древним, тщательно сберегаемым мостом был весьма заметным источником прибытка и славы. Еще бы, лежал он ровно на полпути между Тимпалом и Тэром, так что ежегодное шествие паломников, сопровождающих священный ковчег, в котором хранились обломки колеса Нэйфа, не только проходило через Габрок, но и останавливалось в нем на половину дня, так что все окрестные и приезжие торговцы ждали заветной даты словно прихода щедрого дарителя и богатого урожая, тем более что праздник начинался с началом шествия и длился целый месяц, а то и два. Чего уж говорить о королевских мытарях, ведь переход по древнему, сохраняемому более тысячи лет мосту через узкую городскую речушку стоил монету серебра! Оно, конечно, деньги немалые, да и бесплатно можно было перебраться по деревянным мосткам или, при особой спешке, задрать порты и войти в холодную осеннюю воду, вряд ли где речушка Дара имела более полтора локтей глубины, но дело-то было в том, что на всем священном пути от Тимпала до Тэра только этот мост и оставался в подлинном виде. Мост через широкую и полноводную Курсу в Тэре перебирался уже раз пять, да и все прочие мосты и здания давно обратились в развалины или вовсе рассыпались до фундаментов и возродились новоделом. Разве только сама дорога осталась прежней, да величественный Черный Храм в Тэре был собран строго из камней проклятой Черной Башни, которая обрушилась тысячу двести восемьдесят лет назад и погребла под собой и самого Нэйфа, и его проклятого губителя, но храм-то не башня! Как ни крути – никак не свидетель древности. А мост – вот он. Тот самый. Ни камешка свежего. Зато уж трясся над ним весь город. Да что там, все королевство! Ходили слухи, что немало увечных и калек избавились от собственных недугов на этом мосту. Множество несчастных излечились от страшных болезней. Вроде бы даже имелись случаи возвращения зрения слепым, впрочем, доподлинно об этом сказать было невозможно. Как обычно в подобных случаях, вымысел перемешивался с явью, но с верой и горькое яблоко могло показаться сладким, так что паломники порой переходили через священный мост туда и обратно не один раз, а пока хватало монет. Зато приезжие богачи готовы были заплатить и золотой, чтобы постоять на площадках над мостовыми быками, пока проедет через древнее сооружение повозка с ковчегом да промелькнет прикрученная к одному из колес деревянная фигура, изображающая святого Нэйфа. Оттого же каждый год чуть ли не за месяц до шествия в Габрок наведывался брат короля Сиуина Диус. При дворе его так и называли – герцогом габрокским, хотя конечно же никакого герцогства в Сиуине не было, не по сиуинским далям роскошь. Все королевство – пять сотен лиг с севера на юг, да три сотни с запада на восток в самом широком месте. Хотя, с другой стороны, взять то же королевство Кэча: всего лишь в два раза больше Сиуина, а герцогов или баронов в нем – пальцев рук не хватит, чтобы перечесть.

Об этом, а также о кубке молодого вина думал Дойтен, когда проснулся, хлебнул холодной воды из ковша, подвешенного на бок кадушки, выставленной служками у дверей комнаты, умылся, оправился, оделся, нацепил на пояс меч, задвинул подальше под топчан ружье, поклонился дающему храпака в своей постели судье Клоксу, хмыкнул, отметив, что ни Юайса, ни Гаоты в комнате уже нет, и спустился в обеденный зал, где отдал должное томленному над углями фазану и сразу двум кубкам вина, закусывая это великолепие жареным сыром и снокскими хлебными палочками.

Трапезничать пришлось в одиночестве; не мог же он счесть за компанию аккуратную, затянутую во все черное, исключая полоску белого платка опять же под черным, монахиню. Ни одно шествие не обходилось без этих невест Нэйфа, которые, впрочем, были немногочисленны и считались диковинкой. В толпу они никогда не лезли, держались поодаль, лишь бы священный ковчег мелькал перед взором, но ни ко Священному Двору Вседержателя, ни к Храму Присутствия, который тоже с уважением относился к почитанию святого Нэйфа, ни даже к скупому на обряды и открытому для всех Храму Ожидания Воли Всевышнего не относились. Числили себя за выдуманным кем-то Храмом Очищения, у которого не то что ни одной часовни не имелось, но даже ни одного молельного дома. Или Дойтен о них не слышал. Зато он явно видел, что монахиня хоть уже и была не слишком молода, оставалась чиста лицом и стройна станом, можно было бы и подмигнуть, и разговор завести, спросить, к примеру, правда ли, что невесты Нэйфа проводят служение ему в непрерывных молитвах, а как достигают просветления, то убивают себя в его славу? Сколько их уже накопилось за гранью этого мира, таких невест? И куда он их там, у престола всевышнего, деваает? Какого демона они там ему нужны? Но монахиня смиренно отправляла в рот ложку за ложкой обычного бобового супа и не обращала на усатого умирителя ни малейшего внимания.

– А ну-ка! – подозвал Дойтен конопатую девчонку, что подскочила к его столу, чтобы унести опустошенное блюдо. – Как тебя там...

– Иска! – пискнула племянница трактирщика.

– Где кто? – наморщил лоб Дойтен. – Быстро и по порядку.

– Дядя на конюшне, тетя на кухне, Амадан во дворе с метлой... – начала перечислять девчонка.

– Стоп! – оборвал Иску Дойтен. – Я о жильцах.

– Ну... – замялась девчонка. – Ваш спутник, господин палач, печальник... или защитник который, он с молодой спутницей во дворе. Они... машут мечами. Еще и палки попросили, две метлы сняли с рукоятей. И Амадан там же с ними, путается под ногами. Они велели готовить им завтрак. А вот охотники и прибыли вчера далеко за полночь, да и с утра удалились, считай, по-темному. Травник Бас тоже ушел в город с рассветом, не стал трапезничать. Да и целитель Корп долго не спит. Он уже месяц у нас живет. По всему городу лекарствует; говорят, что многим облегчение принес. Лекарей-то не стало у нас. Уехали все куда-то. Так что он – нарасхват...

– А этот? – почесал нос Дойтен. – Как его?.. Весь в зеленом да с седыми кудрями?

– Тоже ушел, – улыбнулась Иска. – Он хороший. Добрый. Улыбается редко, но сладости приносит с рынка всегда. Чуидом его кличут. Но я ничего о нем не знаю.

– Сладости – это хорошо, – кивнул Дойтен. – А скажи мне, прекрасная Иска, кто бы мог меня проводить в город? Надо походить по улицам, навестить кое-кого, а я в Граброке три года не был, начал забывать уж, что здесь и как. Может, кто из твоих братьев? Не обижу!

– А тебе какой нужен? – поинтересовалась Иска. – Кач или Брог?

– А кто их разберет, – пожал плечами Дойтен. – Три года назад они вроде тебя, под столом возились. Давай того, который поболтливей.

– Тогда черный, – кивнула сама себе Иска и выбрала один из двух висевших у нее на шее глиняных свистков. – Качем его зовут. Сейчас прибежит. Но я предупредила, если что. Уши прожужжит до печенки!

– Послушай, – заинтересовался Дойтен, когда трель свистка заставила вздрогнуть монахиню и взметнула невидимую до поры пыль с косых стропил. – А что это у тебя за ядовитая для ушей штучка? Продай-ка мне эту свистульку. Пара медяков устроит?

– Так они вместе и одного не стоят... – удивилась Иска. – На торжище их связками распродаются. Почему же пару?

– Потому что, – с сожалением покачал головой Дойтен, выкладывая на стол два медяка. – Иначе ты, дорогуша, никогда из-под стола не вылезешь.

Кач и в самом деле оказался изрядным болтуном. Именно таким, какой и был нужен Дойтену. Конечно, сначала мальчишка засыпал вопросами самого усмирителя, начиная с того, трудно ли служить палачом и как лучше казнить негодяев – мечом или из ружья, продолжая о том, отчего Дойтен не идет в мертвецкую, где самое интересное, а отправляется прогуливаться по городу, и заканчивая тем, почему он не взял с собой ружья и зачем у него на поясе справа под кисетом висит железный щиток шириной в две ладони. Вопросы усмирителю не слишком понравились, но все говорило о том, что парень должен был нести в себе кучу сведений о жителях города и событиях, в нем происходящих. Так что уважить мальчишку следовало, и Дойтен не спеша поведал тому кучу самых страшных палаческих секретов. В том числе и то, что никакой он не палач, а усмиритель, что усмирять кого-то приходится редко, обычно удается обходиться увещанием, а уж от ружья так и вовсе немного толку, потому что, пока его зарядишь да наставишь на противника, тебя самого утыкают стрелами и порежут ножами и даже, может быть, успеют намазать тебя на хлеб. Что же касается железки на боку, которая под кисетом, то она висит не просто так, а предохраняет усмирителя от увечий. Отчего, к примеру, ни в королевском войске Сиуина, ни в дружине Тэра нет ни одного ружья? Оттого, что самый немудрящий колдун всегда сумеет пустить в нужное место искру, которую не удержишь ничем. А уж запалить порох противнику – это же святое дело! Так вот железка предохраняет брюхо усмирителя от увечья, если взорвется или вспыхнет вот этот самый кисет. «А если ты спросишь, почему же я все-таки не отказываюсь от ружья, – со всей важностью выговаривал Дойтен, – то отвечу я тебе так – есть такие твари, что их и из ружья нелегко уложить. А насчет мертвецкой, то у каждого свой хлеб. Если надо поклониться бургомистру да получить от него посильное содействие, а потом взвесить узнанное, найденное и увиденное, чтобы принять какое-то решение, то без судьи никак не обойтись. Если надо что-то разузнать, найти и увидеть, тут как раз нужен защитник. Но защищать-то он должен не судью или, прости меня, святой Нэйф, палача, а как раз тех, на кого может быть возведена напраслина. Его задача – установить истину и уберечь от кары невинных. А вот уже кара – это на усмирителя. Только казнить ему никого не приходится, поскольку никакой он не палач. Казнить или миловать – это дело королей. А вот остановить того, кто останавливаться не желает, либо усмирить того, кто не хочет мира, – как раз его дело. И тут, братец, порой без ружья не обойдешься, хотя меч-то и еще кое-что у усмирителя тоже всегда с собой».

Кач слушал спутника раскрыв рот; наверное, он продолжил бы расспрашивать его несколько дней, но Дойтен, подправляя пальцами остроту усов, понемногу сам начал расспрашивать парнишку, и вскоре тот вовсе забыл о вопросах и запустил собственную болталку в полную силу. А послушать было что. Оказалось, что петух у горшечника и в самом деле начал нести яйца, но никто не уверен, что это был петух, а уж теперь, когда горшечник спяну срубил той птице голову, верить в это продолжала только жена горшечника, иначе ей пришлось бы поверить в то, что муженек врал ей напропалую. Арка между часовней и новым храмом и в самом деле дала трещину, но дракон ли на нее взгромоздился или артельщики, что клали камень, плохо сделали свою работу, теперь уж и не узнаешь. Тем более что артельщики-каменщики все из дальних мест, и на арданском из них изъясняется один только вожак. И дракона никто не видел, а что корова у сэгата пропала, так платить надо нанятым работникам, тогда и пропадать ничего не будет. Часы на ратуше тоже встали не просто так: их кузнец остановил, чтобы почистить перед шествием. Остановил, да пропал, как в воду канул, самым первым пропал среди всех бедолаг, хотя его-то тело как раз и не нашли. Сын у него остался. Как раз к артели строителей в храме и прибил, потому как мать его померла еще лет десять назад. А вот все остальное – правда. И бортника зверь разорвал в лесочке, и двух дозорных

на улице, и бабу-молочницу, и старика-сапожника. С Цаем уже шесть тел лежат на льду в мертвецкой, что в подвале ратуши. И никто из них не шевелится и никуда не идет. Хотя если они все были под такой же магией, как Цай, которого вчера защитник мечом приткнул, то могли и прийти к ратуше. Только непонятно тогда, отчего они там все и попадали. Или у них завод, как у часов, кончился? Места-то, где их убили, по их же кровавым следам и нашли! Интересно, их там хоть привязали в мертвецкой или так держат? А если они опять зашевелиятся? Жуть ведь такое в подвале ратуши иметь! И как только бургомистр не вздрагивает, когда по лестнице поднимается? А толку от черных егерей – нет никакого. Ночами не спят, а вот Цая-то уже при них зверь освежевал. И погань какая-то над рекой летает и стонет. И призрак являлся горожанам. Так не ночью, а белым днем. Но не растворяется он, а на лицо просится. Идет, скажем, по площади обычный человек, старичок какой-нибудь, вдруг – раз, и лицо у него наперекосяк делается. Это его призрак присобачил, стало быть. А рожа у того призрака – и днем-то можно в штаны напустить! Говорят, что он вроде скелета, кожей обтянутого. Только глаза сверкают, и улыбка от уха до уха...

До полудня бродили Дойтен с Качем по Граброку. Из Молочной слободы перешли в Стрелецкую, где Кач махнул рукой и показал Дойтену лесочек за околицей, в котором место гибели бортника обнаружилось. Перебрались через речку Дару, разделяющую город на две части, по камням и мосткам у самых северных ворот. Заглянули в Суконную слободу, добрались до будки сапожника, который как раз теперь лежал одним из трупиков в мертвецкой под ратушей, осмотрели ее со всех сторон, поковыряли ножом пятна крови. Переговорили с едва стоявшим на ногах хмельным плотником в Колесной слободе, расспросили его о страшном призраке, который не только при нем лицо тихого старичка перекосил, но вроде бы и вопросы оторопевшему мастеру задавал: верит ли он, плотник-колесник, что если к выгнутому им колесу привязать человека да катить его шесть сотен лиг от Тимпала до Тэра, то он и на полпути еще жив будет? Посмотрели то место, где был убит первый из ночных дозорных, потом зашли на Пекарскую улицу, где Дойтен прикупил сверток горячих пирогов с кашей, которые они вместе с Качем тут же и употребили, запивая кушанье один вином, а другой молоком, купленными у лавочника, что красил ставни на своей лавке. Весь город прихорашивался, и хотя раздраженной руганью странную парочку из бравого храмового старателя в мантии и щуплого мальчишки окатывал каждый второй горожанин, предстоящий праздник чувствовался. Особенно на том самом тракте, по которому вскоре должна была пройти толпа паломников из Граброка в ближний Гар.

Однако осенний день добрался до полудня и пополз к вечеру, и набивший живот пирогами Кач вдруг спохватился и начал уже хныкать, что пора бы ему и вернуться в трактир, иначе перепадет ему от отца пара горячих, когда Дойтен остановился у домика на самом краю Кузнечной слободы и подмигнул Качу, который явно подумывал, как бы сбежать от утомившего его палача:

– А теперь, парень, подожди меня здесь. Надо мне кое-кого навестить. Три года не заглядывал. А будешь умницей – и от отца тебя прикрою, и дам тебе подержаться за рукоять моего меча.

Сказал это и двинулся к калитке перед подвядшим цветником, отмечая, что запустила что-то фасадную красоту своего жилища его старая подруга. Соскучилась, наверное. Ничего, увидит Дойтена – враз расцветет. Ну или самое позднее, через час.

– Так это... – нерешительно вымолвил в спину усмирителю Кач. – Нет ее.

– Как это нет? – удивился, оглянувшись, Дойтен. – Куда же это она девалась? Дом-то есть?

– Есть, пока, – заблестел глазами и зашмыгал носом Кач. – На продажу выставлен. А деток, их двое было, дед с бабкой, что по ее умершему мужу, в деревню забрали. А сама вдова... Так она и была той бабой-молочницей. Ее как раз и взял зверь. Сразу после бортника. Вот здесь, напротив дома, кровью все было залито. А нашли ее у ратуши, как и прочих.

Замер Дойтен. Посмотрел под ноги на серый камень, истоптанный за тысячу двести восемьдесят лет так, что и соринки тобой оброненной не узнаешь. И следов крови уже нет. Ни взлететь, ни головы поднять. Сунул руку в кисет, в котором не порох лежал, а леденцы для чужих деток. Закашлялся, отвернулся. Бросил глухо:

– У меня тут кое-что есть для тебя, Кач. Для тебя, братца твоего и для сестры вашей. Для Иски. Ну, можешь и с дурачком вашим, с Амаданом, поделиться. Только если не передашь никому, а в одну харю высосешь – не прошу. Но прежде еще одно дело. День уж за полдень повалился, отведи-ка меня к Цаю. Знаешь, где он живет? Кто там у него остался?

– Жена Олта и дочь Ойча. – Кач не спускал глаз с кисета на поясе Дойтена. – Я думал, порох там у тебя... А Ойча маленькая еще. Ей восемь, кажется. Они тут недалеко. В Кожевенной слободе. Там как раз рядом второго дозорного зверь задрал. Я покажу. Пойдем?

– Пойдем, – снял с пояса и протянул мальчишке кисет Дойтен. – Еще какие вопросы будут?

– А тебя имни кусали? – затаил дыхание Кач. – Ну, которые в зверей оборачиваются? Правда, что тот, кого укусят имни, сам становится имни? То есть если бы Цай выжил, то сам стал зверем?

– Меня имни не кусали, – признался Дойтен. – Но никто из тех, кого кусали, сам имни не становился. Не верь рассказням. Тут как с укусом собаки. Может грязь попасть, может бешенство случиться, если имни бешеный. Да, и люди, случается, бесятся. Но если ты не имни, то имни не станешь. Хотя другая беда есть.

– Какая же? – замер Кач.

– Обычно имни кусает так, что лечить не приходится, – проговорил Дойтен. – Убивает он одним укусом.

Дом Цая стоял в самом конце улицы кожевников. Там, где уже белел поднятый бургомистром вокруг города частокол. И то сказать, судьба не выбирает. Отец Цая был скорняком, а сын стал стражником. Оттого и чаны для кож у его дома пылью покрылись. А вот кусты орешника вымахали так, что и частокол за ними едва разглядишь, по другой причине. Пил Цай. Страшно пил. А отчего пил, теперь уже не упомнишь. Хотя что-то такое Дойтен припоминал, когда три года назад Цай просил у него денег взаймы... Невелика была заимка, два десятка медяков, в другой раз Дойтен послал бы прощелыгу куда подальше, но слезы остановили. Редко он видел, чтобы воин плакал. Трезвым плакал. Пьяным, помнится, Цай всегда веселился. Пока его ноги держали.

Олта открыла сразу. Она оказалась еще не старой, стройной женщиной, которую навалившееся горе не согнуло, а словно выпрямило. Выпрямило, да прихватило морозцем. Инеем подернуло ресницы, волосы, выбелило лицо. Подсушило скулы, глаза. Пропитало ее как соль. Не за один день, а за месяц или за два. Явно не за один день.

– Я тебя знаю, – безжизненно произнесла она, садясь напротив Дойтена за стол рядом с дочкой – такой же белой на волосы, на ресницы и на лицо. Не седина тому была виной, порода. А Цай-то горел рыжими вихрами... Значит, в мать пошла дочка? – Ты палач.

– Усмиритель, – поправил женщину Дойтен, оглядывая скромную обстановку. Печь, сундук, пара топчанов, табуреты, шкаф с немудрящей посудой. Вся жилая комната – десять на десять шагов. Один стул, да и на том сидит он, Дойтен. Окно хоть большое, и то хорошо. Все видно.

– За долгом пришел? – усмехнулась Олта. – Я знаю. Цай все мне рассказывал. Ну, что помнил, конечно. Двадцать медяков? Пока нет. Заплатит бургомистр жалованье и за выслугу – отдам. Не заплатит – подождешь. Невелика сумма.

– Не нужны мне эти деньги, – мотнул головой Дойтен и посмотрел на девчонку. Ни слезинки не было в ее глазах. Сидела, нахмутив брови, смотрела на Дойтена исподлобья, словно гадости от него какой ждала. Эх, надо было придержать пока кисет на поясе, нашелся бы там один лишний леденец...

– Не нужны – значит, и разговора нет, – потянулась женщина, поправила платье на груди. – Только в ножки кланяться не буду. Чего вызнаться-то хотел? Цая нет. Он в мертвецкой. Не целиком, но прибран. Я уже была там. Бургомистр сказал, что, покуда с убийцей не разберутся, все его жертвы там будут копиться. Что ж, там места много. Есть куда складывать.

Она замолчала в ожидании. Дойтен снова скользнул взглядом по ее груди, заметил свежую, манящую кожу на шее под белесой прядью, вспомнил, какой была та молочница, на встречу с которой он рассчитывал. Да, пообъемнее Олты, но не моложе. Да ведь не в молодости дело, а в нежности. В нежности и в тоске, что бабу навстречу мужику толкает.

– Что смотришь? – не выдержала наконец Олта. – Не нравлюсь? Уж прости, радость великая у нас, мужа моего убили. К тому же голова раскалывается уже с месяц. Как чувствовала...

– Предупредить я пришел, – наконец буркнул Дойтен. – Дело ведь такое... Зверь или не зверь, в своем он разуме или под заговором, но всякая тварь по следу идет. Кого убила, того и след. Ты думаешь, зверь в мертвецкую за тем мясом, которым он поживиться не успел, отправится? Нет, дорогуша. Он придет к тебе в дом. И вот уж тут лучше ему дверей не открывать.

– Надо же, – скривила губы Олта. – А я-то дура, тебе открыла. Вдруг ты – зверь? Ведь, говорят, не всякий колдун имни от человека отличит. Бывает так, что имни до старости доживает, умрет, а так не узнает, кем он был на самом деле. Мне что теперь, всякого опасаться?

– Бывают такие времена, что и всякого, – кивнул Дойтен, криво улыбнулся, подмигнул насупленной девчонке, подхватил свисток Иски. – Но на всякий случай есть у меня одна штучка. Особый свисток. Стоит в него дунуть, как любой имни, если он окажется поблизости и склонен обращаться в зверя, тут же начнет перекидываться. Так что, дорогая Олта, дырочка у тебя в двери есть, запоры вроде бы надежные. Как увидишь незнакомца – прежде чем щеколду сдвинуть, дунь в свисток. Вот так.

Олта оцепенела в тот миг, когда он показал ей свисток, а уж когда дунул в него, скорчилась и взвизгнула, словно Дойтен кипятком ее обдал. Сжалась в комок, захрустела, зашевелилась, раскрылась через секунду и бросилась на гостя уже лесной кошкой. Дойтен, падая назад вместе со стулом, только и успел разглядеть лопнувшее платье на ее зашивке. Приложился спиной о пол, подобрал ноги и ударил тяжелого зверя в брюхо, не дал разорвать себе глотку, отбросил кошку к печи. А уж когда она бросилась второй раз, меч был под рукой. Вошел под переднюю лапу легко, как нож в куриную тушку. Кошка захрипела, забилась в судорогах на полу, размазывая лапами кровь, но едва Дойтен поднялся, едва погасли желтые огни в звериных глазах, второе чудовище метнулось на усмирителя из-под стола. Меньше кошки, но гибкое, незнакомое, сверкнувшее то ли чешуей, то ли роговыми пластинами на спине и глазами, которые не были глазами зверя. Они смотрели на Дойтена почти так же, как только что смотрели на него исподлобья с другой стороны стола, и усмиритель, скорчившись от боли, потому что стальные челюсти стискивали его запястье, не смог ударить в эти глаза ножом, который уже держал в левой руке.

А потом загремели шаги на крыльце, и звереныш бросил руку, метнулся к печи, загремел ухватами и скрылся в подпечье. А когда Дойтен открыл глаза снова, комната была полна незнакомцев, и одна из них – стройная, ослепительно красивая, черноволосая женщина уже заматывала ему руку, рукав на которой был распушен до локтя, тряпицей.

– Всю охоту нам перебил, – говорила она беззлобно. – Второй имни ушел через подполье. Звереныш ведь? Кто был-то? Тоже кошка? Не кошка? Ты смотри... Ты уж не обижайся,

пришлось рукав твоего котто распустить. Укус должен быть ядовитым, но яда в ране, кажется, нет... Отчего же ты потерял сознание? Не от страха же... Кажется, есть что-то, есть. Ладно, разберемся. Как сам-то, усмиритель?

– Ничего... – прохрипел Дойтен, повернув голову. Кошка лежала там же, у печи, а возле нее стоял с вытаращенными глазами Кач. – Вот ведь... Ты чего прибежал? На свисток? И эта Олта... Вот же дура. Я ж пошутил. А ты кто? Глума? Красивая. Чего там Юайс удивлялся, что ты такого жеребца оседлала, которого никто не мог оседлать? Я б и сам тебе поддался... Седлай и катайся...

Глава 4

Клокс

Судья Клокс слишком хорошо помнил то, что случилось пятнадцать лет назад. Поэтому он почувствовал неладное еще тогда, когда увидел частокол на окраине Граброка. Устами трактирщика неладное подало голос. Уже знакомой головной болью неладное стиснуло виски. А когда соединилось все вместе – и частокол, и дурные вести, и кони черных егерей, о которых Клокс мог и сам сказать не меньше, чем Дойтен, и гибель пьянчуги Цая, и полуночное нытье рожка над королевским замком, и последующие стоны неведомой мерзости со стороны реки, – неладное встало во весь рост. Сердце в груди забилося, голова стала раскалываться, к горлу подступила тошнота. Среди ночи Клокс выудил из-под подушки прибранную туда фляжку с ашарским, лучшей перегонки, пойлом, хлебнул и еще хлебнул, но все равно проваливался в сон урывками и ненадолго. Потому и лежал, притворяясь спящим, когда с еле различимым шорохом поднялись Юайс и Гаота, когда громыхал и откашливался Дойтен. Но сам встал только тогда, когда в дверь постучался белобрысый сын трактирщика и в ответ на раздраженное «ну?» всунул в проем голову и проблеял, что прибежал посыльный из храма. Ночью явился дракон, кого-то сожрал и сжег самого сэгата.

– Где Юайс? – рявкнул судья.

– Так отбыл уже в храм... – пролепетал сын трактирщика. – Недавно.

– Пошлите кого-нибудь вдогонку! – принялся натягивать порты судья. – Пусть никуда не сворачивает, не отвлекается и вообще поспешит с разбирательством! Где Дойтен?

– Ушел с братом в город.

– Демона ему в спину! Как придет, сразу ко мне, куда бы я ни двинулся! Ясно?

– Ясно! – испуганно хлопнул дверью мальчишка, а судья вдруг понял, что сил у него совсем нет. А ведь тогда, пятнадцать лет назад, когда ему еще было пятьдесят, казалось, что им не будет конца.

Той осенью они выехали позже, но добирались до Гара всего неделю. Гнали лошадей, меняли их на каждом дозоре, пролетели Граброк, не останавливаясь, и все равно опоздали. Впрочем, они опоздали уже в день выезда. Число трупов в городе не поддавалось подсчету. Трое имни, что попались тэрской страже на улицах, висели распятыми на стенах ратуши, но список пропавших все еще превышал список найденных тел. Горожане тряслись от ужаса и от непонятной злобы одновременно, бросаясь друг на друга из-за сущих мелочей. Тэрский воевода метался по улицам, готовый порубить каждого, но рубить было некого. Всякий, кто убивал ближнего, убивал тут же и себя, затем поднимался и, заливая улицы города кровью, уже мертвым вместе со своей жертвой брел к свежей, сложенной из сырых бревен часовне. Кого-то удавалось схватить, связать, однако безумие от трепыхающихся в путах мертвецов только прибывало. Но главные смерти, те, что погрузили город в пелену ужаса, случились до прибытия храмовых старателей, и их следы были сохранены. Уже в первый день троица Священного Двора бродила под осенним дождем по проклятому холму, что высился в полумиле от западных ворот города. На его лысой вершине была вычерчена октограмма. Восемь лучей, восемь обугленных изнутри и обрызганных кровью снаружи дорожек сходились в центре, но если на их исходах лежали головы восьми горожан, пропавших первыми, то в центре круга темнел силуэт, словно там был сожжен человек целиком. Или странный зверь, потому как и тени конечностей были изогнуты не по-человечески, и туловище несло на себе уродливый горб или сложенные крылья, и что-то вроде хвоста имелось тоже.

– Почему они ничего не строили на этом холме? – спросил, зажимая нос, Клокс. – Рядом с городом, высокое место. Лучшего для замка или дозора и не придумаешь.

– Проклятое место, – буркнул высокий и жилистый, словно оплетенная канатами мачта сеолской лодки, Мадр. – Или могильник, или городище древних.

Он ковырнул сапогом изъеденный временем камень, в котором еще проглядывали просверленные для какой-то надобности отверстия, но камень оказался длинным, от толчка зашевелилась земля под одним из лучей, и усмиритель замер, стоя на одной ноге. Судья Эгрич, который стал бледен подобно снежным вершинам Рэмхайна еще при подъезде к Гару, посмотрел на Мадра, на Клокса, вздохнул, словно вонь от разлагающейся плоти не выворачивала его наизнанку, прошептал так тихо, что осенний ветер едва не заглушил его слова:

– Что воевода?..

Мадр обернулся. За его спиной, в отдалении мок под дождем тэрский дозор. Воевода ждал решения судьи.

– Ждет, – вымолвил Мадр.

– Скажи ему, что нового колдовства не будет, – поднял воротник котто Эгрич. – Уходим отсюда. Здесь можно все убирать. Испоганенную землю лучше скрыть и сжечь. Но стражу в городе придется держать, убийства могут продолжиться. Старое колдовство не завершилось.

Мадр кивнул и двинулся к дозору.

– Не завершилось? – не понял Клокс.

– У тебя прошла головная боль? – нахмурился Эгрич, перешагивая через гарь и тлен.

– Нет, но знаки, которые были вычерчены в траве, найдены, – поежился, закутываясь в мокрый плащ, Клокс. – Все найдены, по всему городу. Их перекапывают. Боль ослабла. Колдунов в городе нет. Те, кто вызывал подозрение, боялся погромов – ушли. Убийств не было уже несколько дней. Горожане вроде бы начинают успокаиваться. К приходу шествия все наладится. Наверное.

– Наладится? – остановился Эгрич и, к удивлению Клокса, вдруг размазал по щекам слезы. Или и это тоже были капли дождя? – Друг мой, ты читал «Наставление о происшедшем»?

– Конечно, – кивнул Клокс.

– Что произошло в Нечи почти полторы тысячи лет назад? Да-да, за двести двадцать лет до восхождения Нэйфа!

– Точно никому неизвестно, – нахмурился Клокс, – но в наставлении сказано, что была попытка явления. Якобы прислужники Проклятого пытались вернуть одного из его верховных слуг. Явить его. Или одну из его теней. Но нет никакой ясности, чем там все завершилось. С учетом того, что нигде и никогда больше никаких явлений не происходило, я бы не полагался на древние домыслы. К тому же на месте обряда в Нечи не было восьми лучей. Да, восемь или десять жертв, и последней жертвой – высший имни, но они...

– Они были свалены в кучу, – кивнул Эгрич. – По той простой причине, что тогда еще не было священного колеса, да и Священного Двора Вседержателя не было. Или же... они учились? Поверь мне, и здесь все тела могли быть свалены в кучу. Может быть, им нужно, чтобы мы тряслись от ужаса? Или они хотят осквернить священное колесо?

– Они? – не понял Клокс.

– Их много, – махнул рукой Эгрич. – Не теперь... Это все, что ты помнишь?

– В «Наставлении о происшедшем» о явлении в Нечи всего несколько строк, – стал спускаться с мокрого холма вслед за судьей Клокс. – Небо гнулось над городом, и кровь лилась на его улицах две недели после обряда и могла литься еще дольше. До тех пор, пока не был бы развязан узел. И вот это как раз понять сложно...

– Легко, – отмахнулся Эгрич. – «Небо гнулось» значит только одно – точно так же, как и у тебя, голова раскалывалась у всех колдунов, имни и у всякого, кто видит и чувствует чуть больше прочих. Прочие же – зверели, хватались за ножи и топоры, не вполне понимая причину своей ярости. Как и здесь, в Гаре. Ты хоть понимаешь, что вряд ли хоть одна здеш-

няя смерть на совести тех троих распятых? Не могу поручиться за этого зверя, – судья мотнул головой за спину, – но прочие – вряд ли. А вот узел... Узел нам нужно отыскать.

– И развязать? – не понял Клокс.

– Развязать? – переспросил Эгрич. – Как раз этого я не знаю. Я вообще не знаю, о каком узле идет речь. Но если увижу, то вряд ли ринусь его распускать, не разглядев. Или ты хочешь, чтобы кто-то, обладающий немалой силой, явился к нам?

– Полторы тысячи лет назад никто не явился! – воскликнул Клокс.

– Да ну? – остановился Эгрич. – Только через пару лет в ордене Корни появился некто Мэйлас, которого сочли обратившимся к Присутствию маола или эсала, поскольку он обладал завидным долголетием. Он постепенно завладел Корнями, потом стал старшим над всеми семью орденами, всеми семью оплотами. Прекрасный, мудрый, всезнающий Мэйлас. Тот, который потом изгонял и убивал всех прочих учителей. При котором само слово «эсала» стало приговором. Тот, который разрушал твердыни. Тот, кто распечатал полвека кровавой смуты и начал двухсотлетнюю войну. Тот, который сидел в Черной Башне! Наконец, тот, который приказал истязать Нэйфа и убил его!

– И сам погиб в руинах Черной Башни... – пролепетал Клокс. – Но верховных слуг Проклятого звали иначе – Олс, Паена и Лобхад! Кто из них Мэйлас? И неужели ты веришь тому, что написано в древних книгах?

– Боюсь, что у нас будет возможность проверить... – вымолвил бледными губами Эгрич.

Они перерыли весь город, не зная того, что ищут, но искомый узел был найден там, где его никто не искал. Найден случайно, хотя могло ли объясняться случаем хоть что-то происходившее тогда в Гаре? Но узел был найден и рассечен. И в самый миг рассечения Клокс понял, что колдовство завершилось. Не прекратилось, не развеялось, но достигло полноты и распустилось всеми нужными лепестками. Завязалось, созрело, упало и изошло семенем. И он также понял, что иного и быть не могло, не может брошенное замереть в воздухе. И пролитое не может высохнуть, не смачивая то, на что оно пролито. И выставленное на огонь рано или поздно сгорит или покроется копотью и отвердеет. Но сначала он не понимал ничего.

Рассечение узла произошло в богатой гарской гостинице, под визг вызванной Мадром горничной, вой монашек из мутного Храма Очищения и скрип зубов Эгрича. Он один устоял на ногах, когда, выбив дверь, из-за которой раздавался непрерывный вой и шипение, троика ввалилась вроде бы в крохотную келью, но оказалась в огромном зале, стены, пол и потолок которого были окутаны непроницаемой тьмой. И только впереди, шагах в ста, что-то светилось. Это «что-то» напоминало личинку огромного жука. Ее хитиновые кольца подрагивали, пасть с одной ее стороны медленно всасывала, пережевывала нечто человеческое: бьющееся, хрипящее, исходящее визгом; а голова обычной женщины с другого конца личинки, судя по платку – монашки, что-то шептала. Кажется, она произносила слово «смерть». Она молила о смерти. Но Клокс и сам молил о смерти. Он поднялся на ноги, но накотивший ужас снова ударил его по коленям. Собственное тело показалось Клоксу хитиновым пузырем. Он тоже вместе с этой несчастной пожирал других несчастных. И сам Проклятый словно стоял над ним и подталкивал его обожженной палкой, как шевелит бродяга в углях запекаемых им древесных личинок. И неустрашимый Мадр ползал по полу рядом и молил о пощаде, клялся в верности Проклятому. И Клокс, опорожнившись от страха в собственные порты, не клялся в том же зловещей тени лишь из-за того, что лишился голоса. И горничная билась в судорогах тут же, визжала, что какая-то паутина стягивает ей горло, режет ей гортань, и тоже клялась кому-то невидимому. И только Эгрич продолжал стоять, хотя колени его тряслись и голос срывался на сип. Он читал поучения Нэйфа. Читал наизусть, от первого стиха до последнего, и в один миг, когда монашка вдруг закричала: «Сейчас!» – выхватил меч и ткнул его в хитиновую подрагивающую зыбь.

И тьма рассеялась.

Рядом скулила горничная. Мадр стоял на четвереньках и мычал, потряхивая головой. Две или три монашки сбились во всхлипывающую кучу в углу комнатухи. Еще одна из них с мертвой улыбкой и мечом в груди замерла под узким окном, и перед ней лежало что-то окровавленное, с торчащими костями и клочьями сухожилий. Кажется, останки одной или двух ее подруг и ее собственные ноги. А напротив стоял Эгрич, и обрывки мрака втягивались в его тело.

Судья обернулся к своему защитнику, бледный и взмокший от пота. Сорвал с пояса фляжку, сделал несколько глотков и прохрипел:

– Заканчивайте здесь... Я в Тимпал. Может быть, Ата мне поможет.

Тогда ошалевшие от воя и расползающейся по зданию тьмы стражники и постояльцы рассказали, что судья Эгрич, увидеть которого Клоксу больше не довелось, вышел из гостиницы нетвердым шагом, но уверенно сел на коня и, как оказалось позже, действительно умчался к Священному Двору Вседержателя, откуда через неделю пришли ужасные вести. И началось долгое, многолетнее разбирательство, о котором Клокс только теперь, через пятнадцать лет, начал забывать.

«Где ты, разучившийся улыбаться Мадр? Куда ты делся год назад? Или ты делся куда-то пятнадцать лет назад, и четырнадцать из них рядом со мной был не ты, а твоя покалеченная тень? И куда теперь денусь я сам, старатель Священного Двора Вседержателя – Клокс, выходец из бедного снокского семейства с окраины Сиуина, всех достоинств которого было разумение грамоте и способность видеть наведенную ворожбу?» – думал судья.

В обеденном зале никого не было. Лучи солнца проникали через косые окна и ложились на высокобленные столы. На кухне что-то гремело. За стеной заливался безумным хохотом Амадан, которого Клокс запомнил три года назад слюнчавым мальчишкой. Да уж, порой шутки Вседержателя кажутся слишком безжалостными. Кто-то погружается в безумие от пережитого, а кто-то в нем рождается. Или и это тоже относится к воздаянию за сотворенное? Детям-то за что мучения? Или безумство сладостно? Может быть, оно и есть выход из невыносимости бытия?

Хохот повторился. Клокс брезгливо поморщился. «Как только не разорится этот Транк, – подумал он, усаживаясь за стол и не замечая ни того, что ему принесли, ни вкуса пищи, которую он ел. – Ведь не может же быть такого, чтобы немалое заведение поддерживалось за счет жильцов, как бы ни были дороги комнаты?» А может, и нет никакого постоянного двора, а есть только сон, который случился пятнадцать лет назад, когда он, Клокс, валялся с грязными портами в черной комнате гарской гостиницы? И если ему суждено проснуться, то не очнется ли он не в Граброке, а в том же самом пятнадцатилетней давности Гаре, где рядом Мадр и все еще жив Эгрич? С другой стороны, а видел ли кто-нибудь судью Эгрича мертвым? И что же все-таки стряслось пятнадцать лет назад в верхнем зале Белого Храма Священного Двора? Да, Брайдем поведал кое-что совсем недавно, но можно ли ему верить? Не из-за склонности бывшего сэгата ко лжи, а по сути? Кто все-таки пришел в Белый Храм? Эгрич или... Впрочем, какая разница? Если все это сон, то ему не шестьдесят пять лет, а все еще пятьдесят, нечего и жаловаться на подобный жребий. А если не сон, нечего натирать лавки задницей, надо отправляться к бургомистру и предостерегать его от того, от чего предостеречь главу Гара пятнадцать лет назад было некому.

Судья приказал седлать лошадь. Невелика дорога, и было бы неплохо пройти пешком, размяться, разогнать утреннюю немощь, но к бургомистру следовало отправляться верхом. Для того же была извлечена из кисета пурпурная судейская тиара и натянута на седую голову Клокса. А ведь было время, когда он больше всего боялся показаться королевским шутком...

– Я к бургомистру, – бросил Клокс открывшему ворота сыну трактирщика и направил лошадь по узкой улочке к центру города. Туда, где колыхались на сыром ветру под осенним солнцем разноцветные шатры рынка, торчала каменным жалом башня замка и над недостроенным храмом сиял желтый диск священного колеса.

Бургомистра на месте не оказалось. Судья содрал с головы тиару, сунул ее за пояс и хотел уже было заглянуть в мертвецкую, вход в которую был с торца ратуши, но махнул рукой и поднялся на второй этаж, потому как, по словам стражи, бургомистр отбыл с герцогом с утра к храму, затем должен был позавтракать с ним же в замке, но теперь уже ожидается с минуты на минуту. Зал перед покоями бургомистра, где, как помнил Клокс, собирались просители, на этот раз был пуст, но не успел судья с облегчением расположиться на широкой скамье у окна, как двери открылись и в них или просочился, или протиснулся, или вошел, но сделал это бесшумно, как ходят только кошки, – седовласый полузнакомец с постоянного двора. Он был все так же одет во все зеленое, вот только теперь еще на плече его висела сума с торчащими из нее свитками и даже как будто деревянными таблицами. Разглядев у окна судью, знакомец кивнул, словно увидел того, кто ему и нужен, прижал с почтением руку к груди и уселся на скамье напротив, позволив себе заметить, что если бы он пришел минутой раньше, то все равно бы уступил право войти к бургомистру первым почтенному судье Клоксу, потому как есть дела безотлагательные и есть те, которые опережают по важности даже их.

– Разве мы представлены друг другу? – раздраженно процедил сквозь зубы судья.

– Думаю, что представлены, – потер тонкими пальцами переносицу, словно вспоминал что-то, седовласый. – Впрочем, господин судья тогда был в сильном волнении, мог запомнить наше знакомство. Я, правда, воспринял вчерашний вечерний поклон как свидетельство того, что господин судья помнит о нашей встрече. Но в любом случае готов принести уверения в почтении. К вашим услугам – Чуид. Книгочей и переписчик.

Чуид снова поднялся и церемонно раскланялся.

– Не помню, – буркнул судья.

– Неудивительно, – с сочувствием покачал головой Чуид. – Я сам вспоминаю тот день как один из самых ужасных дней в моей жизни. На вас лица не было. Вы почти кубарем спустились по лестнице, кричали: «Где Эгрич?» К сожалению, стражники и слуги были не в себе, но я оказался у входа, представился вам и сказал, что Эгрич сел на лошадь и ускакал. Хотя и выглядел пьяным или больным. Помните? В Гаре это случилось. Пятнадцать лет назад. Я служил тогда при гарской ратуше, разбирал их хранилище рукописей. Это было тяжелое испытание... Нет, конечно, не разборка рукописей: для меня всякие письмена упоительны сами по себе, нет. Я говорю обо всем, что случилось в городе. Или вы...

Клокс не помнил этого человека. Нет, совершенно точно, что кто-то был пятнадцать лет назад у выхода из гарской гостиницы, кто-то говорил с ним, но ни голоса, ни облика этого человека или этих людей Клокс не помнил. И теперь он смотрел на зеленый воротник седого собеседника и, не разбирая ни одного его слова, хотел только одного: чтобы тот тут же провалился сквозь землю, но оставил судью в покое.

– А с чего вы взяли, что ваши дела могут соревноваться в безотлагательности с моими? – оборвал книгочей Клокс.

– Не могут, – кивнул Чуид. – Хотя какие уж у меня дела – получить место, о котором было объявлено полгода назад, навести порядок в книгохранилище, составить список наиболее ценных манускриптов, внести в каталог все рукописи без исключения... Говорят, что местный бургомистр – большой умница. Поверьте мне, сие редкость среди бургомистров. Разве можно упустить возможность потрудиться под началом умного человека? А уж если вспомнить, что и я кое-чем славен, да с учетом знания нескольких языков, и уж во всяком случае

всех письменных, что могут попасться на пергаментях или бумажных листах, – я почти уверен, что получу это место.

– И вы думаете, что у бургомистра теперь есть время для решения вашей надобности? – удивился судья. – Вы хоть знаете, что творится в городе?

– Знаю, – вздохнул Чуид. – Как бы не то же самое, что творилось в Гаре. Кстати, вам известно, что случилось с судьей Эгричем и усмирителем Мадром?

– Можете осведомить меня о судьбе этих достойных мужей? – скривился в гримасе Клокс.

– Нет, – мотнул головой Чуид. – Просто я заходил на рынок, и среди шатров мне почудился Мадр. Он, конечно, поседел, но не ссутулился за пятнадцать лет.

– Может быть, и Эгрич попался вам? – скрипнул зубами Клокс.

– Нет, – уверенно ответил Чуид. – Но он близко. Поверьте мне, я чувствую. Всякого человека, с которым я однажды сталкивался, я чувствую. Хотя я не уверен, что Эгрич – все еще Эгрич...

– Что вы хотите сказать?.. – оторопел судья.

– Вы не остановите его, – понизил голос Чуид.

– Кого? – спросил судья.

– Того, кто пробивается к нам, – вздохнул Чуид. – Кто бы это ни был.

– Кто пробивается?.. – прохрипел судья, потому что лицо Чуида вдруг изменилось. Он словно добавил к своим немалым годам их тройную ношу, потому как морщины прорезали его лицо и глаза помутнели. Да и голос стал звучать глухо и чуть слышно.

– Или кто-то из слуг Проклятого, или кто-то из его теней... – прошептал Чуид. – Или даже он сам. Да, его можно задержать, и я не думаю, что любые усилия, приложенные в этом направлении, бессмысленны, но нужно отдавать себе отчет – он прорвется. И чем больше крови прольется при его явлении, тем сильнее он будет. Так что именно большой крови хотелось бы избежать, а не остановить его. Конечно, помогать ему не следует. Но... А вот потом...

– Что потом? – спросил Клокс.

– Не знаю, – пожал плечами Чуид. – Поверьте мне. Были времена, когда вся троица верховных слуг Проклятого правила и всей Арданой, и всеми прилегающими землями. Да и тени Проклятого уже испытали сладость повелевания людьми.

– Однако если в кубок капает вода, глупо рассуждать, что он наполнялся не один раз!.. – прошипел Клокс. – Однажды он может не только переполниться, но и разбиться! Особенно если ударит мороз!

– Может, – прошептал Чуид. – Но его нельзя остановить.

– Проклятого? – шевельнул губами Клокс.

– Надеюсь, что нет, – вздохнул Чуид. – Не злитесь на меня. Я ведь не проповедник Проклятого или его ядовитой троицы. И уж тем более не колдун Черного Круга. Да, я наслышан о многом, рукописи, знаете ли, порой рассказывают о том, о чем их авторы упоминают мимоходом. Эти крупинки бывают подобны крупинкам золота... Кстати, а вы знаете, что когда-то вот эта речушка, что делит Граброк пополам, считалась золотоносной?

– Зачем вы пришли к бургомистру? – спросил Клокс.

– А вдруг я пришел и к вам тоже? – произнес Чуид.

– Зачем? – сцепил зубы Клокс. – Зачем кто-то, чье появление так удачно совпадает уже со второй накатывающей на эту землю мерзостью, ищет того, кто может попытаться остановить явление?

– Ух ты! – задумался Чуид. – Не думаю, что даже Эгричу удалось сделать то, что вы примериваете к собственному плечу. Да, мое присутствие совпадает с этой мерзостью во второй раз. Я сам вообще часто совпадаю с бедой. Но я не стервятник и не змея, наполненная ядом.

Я ищу мудрость, а она приходит с бедой и натугой. Однако мне не все равно, что творится с этой землей. И я хочу помочь вам, Клокс.

– Чем же? – скрестил руки на груди судья.

– Там, в храме, находится лишь небольшой кусочек мозаики, – проговорил Чуид. – Я о драконе, конечно. Вот уж случайность так случайность. В Гаре ведь не было дракона? Понятия не имею, кому он понадобился. Но именно прошлое дает нам возможность осмыслить настоящее. Я составил самый подробный из возможных список о происшедшем в Гаре. Я хотел бы передать его вам. Если вы ознакомитесь с текстом... Там есть кое-какие мысли...

– Мысли?.. – в ярости прошипел Клокс.

– Боюсь, что только мысли способны помочь нам, – полез в суму Чуид.

– К демону! – рывкнул Клокс.

– Ты боишься, – понял Чуид. – Ты что-то сделал тогда, пятнадцать лет назад, в Гаре, и теперь боишься. Так?

– Я?

Клокс схватился за рукоять меча, выдвинул его из ножен на ладонь, отпустил, опять схватился, задвинул меч, выхватил тиару, натянул ее на голову и, рыча как зверь, ринулся прочь.

Он вышиб ногой дверь и, наверное, побежал бы в бешенстве вниз по лестнице, но голос бургомистра остановил его:

– Вот тот, кто нам нужен! Ваше высочество, думаю, что это как раз судья, присланный в наш город из Священного Двора Вседержателя. Что случилось?

Клокс обернулся и увидел высокого и статного, коротко остриженного человека с золотой цепью на груди, как видно – бургомистра Скота, и рядом с ним – невысокого, но крепкого и широкоплечего, отливающего гладко выбритым черепом герцога Диуса, окруженного свитой.

– Господин бургомистр... – запнулся Клокс. – Ваше высочество! Судья Клокс, к вашим услугам. Примите низжайший поклон и заверения в почтении. Дозвольте обратиться к бургомистру. Дело не терпит отлагательства.

– Не позволю, – сухо процедил Диус. – Тем более что дело и в самом деле не терпит отлагательства. Через три недели шествие доберется до Граброка, а у нас тут драконы летают? Бросьте, судья, все ваши срочные дела и займитесь нашим делом. Важным делом. Сейчас нет ничего важнее, вам понятно?

– Но... – растерялся судья.

– Никаких «но», – отчеканил стальным голосом брат короля.

– Слушаюсь, ваше высочество, – склонился в поклоне Клокс, а когда выпрямился, Диус, бургомистр и изрядная часть свиты герцога уже проследовали в тот самый зал, из которого только что вылетел Клокс. Судья прислушался, не услышал голоса Чуида за дверью, вслед за последним воином из свиты даже приоткрыл ее, так и не разглядел в толпе книгочея, но, наткнувшись взглядом на спину одного из слуг герцога, окаменел. Это была спина Эгрича. Клокс готов был в этом поклясться. Не один год он держался за спиной собственного наставника. Он хотел окрикнуть Эгрича, но смог только что-то прохрипеть. Однако в шуме, наполнившем зал, неизвестный услышал хрип за спиной и обернулся. Это был не Эгрич. Лицо оказалось чужим. Кожа обтягивала череп худого человека, и, судя по всему, под его колпаком череп был столь же гладким, как и на его лбу.

– Обознался, – прижал ладонь к груди Клокс.

Незнакомец кивнул.

Глава 5

Слуит

Полоса копоти тянулась по мостовой храмового двора к накрытому одеялом телу. Слабый ветер гонял по двору желтые листья, закручивал их хороводами. Юайс отошел в сторону с трясущимся помощником сэгата Калафом и мрачным, словно грозное небо, мастером городской стражи Буилом, и Гаота осталась одна. Невдалеке переминались с ноги на ногу, тревожно озирались с десятков стражников. В углу двора между основаниями недостроенного храма и уже выстроенной колокольни сидели угрюмые артельщики. Возле одного из них стоял белоголовый мальчишка, тот самый, что еще с утра промчался мимо Юайса и Гаоты – как видно, с вестью о ночном происшествии. В отдалении, за высокой аркой, которая служила входом во двор и соединяла уже древнюю, покосившуюся часовню с громадой храма, толпились зеваки. Их сдерживали, натянув поперек арки веревку, двое стражников. В трех шагах от Гаоты издавала зловоние лужа свиных потрохов. С другой стороны темнело пятно крови. Ее источник лежал под вторым одеялом возле артельщиков.

Гаота закрыла глаза и потерла виски, из которых не уходила боль. Зверологию в приюте преподавал наставник Роут, но в последний год он часто отсутствовал: то и дело отправлялся, по словам Брайдема, куда-то как раз в компании судьи Клокса и усмирителя Дойтена, и обычно его заменяла Деора. Все знали, что высокая, стройная и если не красивая, то уж во всяком случае яркая наставница – имни, но в какого зверя она способна перекинуться, можно было только догадываться. Судя по раскосым, утягивающим в непроглядную бездну глазам, она должна была оказаться какой-то ночной птицей. Судя по ее выверенным, плавным движениям – кошкой, но кошкой черной, как и цвет ее волос, ресниц и будто покрытых отвердевшей смолой ногтей. Воспитанникам приюта она казалась и кошкой, и птицей, и еще кем-то неведомым одновременно. Ее взгляд – завораживал. Голос заставлял мальчишек возбужденно сглатывать, а девчонок – восхищенно млеть. Так что не было ничего удивительного в том, что всякое отбытие Роута ожидалось едва ли не с нетерпением, хотя и у того имелись поклонники и тем более поклонницы. Но пропуска наставлений Деоры не могло случиться ни при каких обстоятельствах. «Нет такого недуга, что способен свалить школяра, если Деора назначает очередное занятие», – посмеивался седой добряк Гантанас, преподававший историю, языки и каллиграфию. Неудивительно, что спокойный, даже тихий голос Деоры не мешал воспитанникам, которых она собирала в верхнем зале западной башни, слышать каждое ее слово. Более того, шум на ее занятиях был исключен, даже если она рассказывала о чем-то таком, что представлялось некоторым из школяров ненужным и утомительным. В таких случаях самые несносные из учеников довольствовались уже звучанием ее голоса. И о драконах она рассказывала тоже.

Гаота открыла глаза и, поправив на поясе меч, присела. Вот уж о чем она не задумывалась, так это о том, что однажды ей придется вспоминать рассказ наставницы не для того, чтобы выдержать испытание по годовому курсу, а чтобы применить полученные знания на центральной площади небольшого городка. С чего Деора начинала? Ну конечно, первым делом она всегда отступала к собственному предмету, обращению, и рассматривала каждого зверя как возможное состояние имни. И как всегда, задавала кому-нибудь из слушателей вопрос – может ли рассматриваемое существо быть имни? В случае с драконом она ответила на этот вопрос сама – да. Но не потому, что кто-то мог обратиться драконом или дракон мог обратиться человеком: все-таки, как уже было известно школярам, обращение не прибавляло существу тела против привычного, наоборот, всякое обращение уменьшало вес существа; конечно, исключая те случаи, когда, будучи зверем, обращенный насыщался. А вот обратиться в огромное чудовище... подобное было подвластно только высшим из имни, которых называли фирами и коих

попросту не существовало или же они таились в неведомых краях и давно забытых временах. Но даже для них эта разница не могла превышать половины веса тела в его естественном состоянии и грозила серьезной потерей сил вплоть до полного изнеможения. Но дракон не просто мог быть имни, дракон мог быть только имни, поскольку относился к категории магических существ, которые, оставаясь имни, имели особое обозначение – игли. То есть происходил из тварей, пришедших в Талэм извне и имеющих магические свойства по естественной природе своей.

– Да, Флич, спрашивай, – как всегда почувствовала поднятую руку, не оборачиваясь, Деора.

Слегка неуклюжий, румяный и круглоголовый воспитанник Флич задавал вопросы каждому наставнику. Иногда Гаоте казалось, что он и сам собирается стать наставником, причем по всем предметам сразу. Во всяком случае, обвинить сноковского мальчишку в том, что он хочет похвастаться ученостью, никому и в голову не приходило. Не обладая выдающимися способностями, Флич, как никто, старался учиться, и хотя с ним мало кто мог померяться знаниями, добрее него в приюте тоже не было никого.

– А могли ли драконы быть айнами?

Хороший он задал вопрос. Даже теперь, разглядывая осевшую на камнях копоть, Гаота почувствовала тень зависти, которая окатила ее тогда. Действительно, могли ли эти огромные и, как казалось Гаоте, прекрасные существа мыслить как человек или оставались опасными, может быть, подвластными приручению или магическому управлению, но только зверями?

– Этот вопрос изучен недостаточно, – задумалась Деора. – Уже больше тысячи лет неизвестно ни об одном из драконов. Мы о них вообще мало знаем. Конечно, Талэм велик, и есть земли, из которых даже известий не доходит до нашей обители, но тысяча лет – большой срок. Не знаю, могли ли... Но если верить разным хроникам, а не только «Наставлению о происшедшем», которым вас любит пичкать наставник Бейд, то порой поведение драконов было удивительно похожим на поведение людей. Хотя всякий зверь, подвластный опытному магу...

– А зачем нам знать о драконах, если их не было уже тысячу лет? – подал голос другой воспитанник, кудрявый весельчак Гайр.

– Историю тогда тоже незачем учить, – фыркнула Гаота. – К чему знать то, что никогда не повторится?

– Повторится, – надул губы Гайр и, посмотрев на Гаоту, буркнул: – Ты-то уж точно когда-нибудь встретишься с драконом...

Тогда Гаоту окатило холодом, а Деора только улыбнулась и сказала, что Гайр сам ответил на свой вопрос, хотя если бы он старался, то был бы в числе первых учеников не только на занятиях по прорицанию и ясновидению, а и во всех остальных науках.

– Никто не знает, встретится ли кто-нибудь из вас с драконом, но если эта встреча случится, она должна быть сюрпризом только для дракона. Девяти из десяти королевских стражников до конца службы не приходится вынимать меч из ножен для боя, но вы же не будете утверждать, что стражник может обойтись без умения с ним управляться?

– Не будем... – прошептала Гаота тогда и прошептала теперь. Однако, кажется, Гайр оказался прав. Так что же можно сказать об этом драконе?

Она потрогала копоть в начале полосы, отошла на несколько шагов и вновь потрогала ее. Замерила шагами ширину опалившего камня выдоха, его длину, осторожно приподняла одеяло над телом. Вздрыгнула, рассмотрев искаженное ужасом, вздувшееся от жара лицо пожилого черноволосого бородача, но еще более ужаснулась, рассмотрев его тело. Останки одежды и плоти под этой одеждой были только на груди. Спина несчастного спеклась в почерневший, пережаренный кусок мяса, а ноги и вовсе осыпались пеплом.

– Даир, – услышала девчонка голос Юайса. Тот подошел к воспитаннице вместе с хлюпающим носом помощником сэгата и мастером стражи. – Я был знаком с ним, хотя и не близко.

Не знаю, каким он слыл сэгатом, но двадцать лет назад он служил при дворе короля Снокиса и воином был храбрым.

– Святой Нэйф! – недоуменно воскликнул невысокий, но широкоплечий Буил. – У тебя ничего не перепуталось в голове, защитник? Я уж не говорю, что в Граброке никто, кроме меня, не знал, что старина Даир когда-то служил в страже короля Снокиса, тем более что это соседнее королевство, но как ты можешь это помнить? Сколько тебе тогда было? Пять лет? Десять? И как тебя занесло в Снокис?

– Я странствовал, – проговорил Юайс. – И у меня хорошая память. Относись к моим словам со всей серьезностью, тем более что без твоей помощи нам не обойтись. И чтобы покончить с этим, добавлю, что в десятке Дaira ты, Буил, был лучником. Я тебя тоже помню. Правда, тогда ты еще не носил ни усов, ни бороды.

– Отец мой небесный! – оторопел мастер стражи. – А это ты откуда знаешь?

– Память, – повторил Юайс. – Могу добавить то, чего не знает никто в городе. У тебя шрам на подбородке, оттого ты и носишь бороду.

– Да ты... – вовсе онемел Буил.

– Что скажешь? – посмотрел на Гаоту Юайс. – Наставления Деоры или Роута принесут нам пользу?

– Надеюсь, – вздохнула Гаота и почувствовала, что она как будто вновь оказалась на годовых испытаниях и не наставник по следоведению шурится на нее сквозь свисающие на лицо локоны, а сам глава приюта Бардем, тот, что вез ее от отрогов Черной гряды к Стеблям три года назад. – Это был и в самом деле дракон.

– Истинное колесо! – размазал по щекам вновь выкатившиеся слезы седой и взъерошенный Калаф.

– Судя по ширине языка копоты, – продолжила Гаота, – он среднего размера. То есть его вес – примерно две тысячи литов.

– Два хороших быка! – воскликнул Буил, все еще с изумлением косясь на Юайса.

– Ширина пасти – локоть, – наморщила лоб Гаота. – Примерно локоть... Или чуть больше. Размах крыльев... Больше двух десятков локтей. Длина с хвостом – такая же. Хотя если это шипохвост, то и побольше.

– Это как же? – почесал затылок Буил. – Этакая громадина в середине Граброка? Мой дозор не покидал площади. С вечера был дождь, а потом прояснилось. Месяц сиял... Отчего же никто не видел такого зверя?

– Я видел, – шмыгнул носом Калаф.

– Подожди, – остановил служителя Юайс. – Тебя я уже слышал. Дальше, Гаота.

– Дальше? – Девчонка пожалала плечами. – Я не знаю, что тут стряслось, но, кажется, дракон просто сидел и ел свинью. Вон ее потроха, считай, что он ее и съел. В пяти шагах от останков свиньи начинается полоса копоты. В начале она маслянистая: возможно, дракон пыхнул пламенем, чтобы отпугнуть кого-то... То пятно едва заметно, последующая полоса почти перекрывает его, но пламя было явлено дважды. Во второй раз дракон выпускал его вслед бегущему человеку. Ведь сэгат обожжен со спины?

– Да, – снова скривился Калаф. – Я перевернул его. Негоже святому служителю лежать лицом вниз. Тем более что только лицо у него и осталось...

– А это? – показал Юайс на пятно крови в стороне.

– Не знаю, – призналась девчонка, покосившись на второе тело. – Может быть, и человеческая кровь, может – драконья. Я не могу определить. Но эта кровь пролилась в стороне от дракона. Под его крылом. Может быть, из крыла?

– Это кровь Скайтена, – отмахнулся от рыдающего служителя Буил. – Вон он лежит, под одеялом. Подвернулся под горячую руку Даиру. Ну, хватит распускать сопли, Калаф, повтори рассказ!

– Да сколько уже можно? – всхлипнул служитель. – И чего я видел? Ночи-то почти безлунные! Месяц сиял... Толку от него? Серп – как бабский гребешок. Два-три дня, и новый месяц народится... Свинья завизжала во дворе. Бывает, выбираются иногда. Вроде поправили в сарае ворота: как с коровой беда стряслась – поправили, но что там ворота для свиньи... Я вышел из кельи, спустился во двор, но сэгат меня опередил, вон его домик. Напротив.

– Не части, – поморщился Буил. – Короче и медленнее!

– Да куда уж короче, – вздохнул Калаф. – Иду и как будто чавканье слышу и дыхание, словно меха на кузне кто-то шевелит. И голос Даира впереди. Окликает он кого-то, что ли... А у меня лампа в руке, да только толку от нее? На свою руку смотреть? А потом вдруг пламя вспыхнуло. Столб так и уперся в камень. И тут я вовсе ослеп, но успел что-то разглядеть. Чудище какое-то впереди... ну, лапы, брюхо, грудь его. Чешуя так и засверкала отблесками; и силуэт сэгата... он у меня аж раздвоился в глазах от вспышки. Багор у него был в руке. Да, было что-то. Ну, он его и метнул. Наверное.

– В дракона? – сдвинул брови Буил.

– А я откуда знаю?... – почти заскулил Калаф. – Я вон там стоял. Отсюда еще полсотни шагов. Темень. Как столб пламени погас, я вовсе как крот стал. Сэгат еще кричал что-то. То ли «прочь, поганая тварь!», то ли еще что. А потом уж то ли хрип раздался, то ли вой, только снова пламя вспыхнуло, но теперь уже в мою сторону пошло, а когда я понял, что сэгат факелом обратился да бежит ко мне, так я и вовсе чувств лишился.

– Примерно так, – кивнул Буил. – Я еще затемно сюда прибежал. Вожак артельщиков, Смуит, примчался в караулку: сказал, что беда у храма. Каменщика их убили, Скайтена; сэгата сожгли... кажется, опять дракон явился. А Калаф так и лежал, где упал.

– А дракона уже не было, – кивнул Юайс.

– Не было, – развел руками Буил.

– И где он? – спросил Юайс.

– Так никто не видел, – снова начал скоблить затылок Буил. – Бургомистр поутру примчался, только что волосы на голове не рвал, а где я ему дракона возьму? Если бы не этот след, вовсе бы решил, что колдовство какое случилось!

– А свинью тоже колдовство сожрало? – заныл Калаф. – А корову? А кто Даира сжег?

– Колдовство могло и сжечь... – пробормотал Юайс. – Других свидетельств, кроме слов Калафа и следа, у нас нет... Кто еще живет во дворе храма?

– Артель в гостином доме живет, на первом этаже... – вздохнул Буил. – На втором – как раз служители храма, но сейчас там никого и нет, кроме вот Калафа...

– Нет, – кивнул, всхлипывая, Калаф.

– Все отбыли по делам в Блатану, – продолжил Буил. – Шествие грядет, надо готовить службу, закупать кое-что, а до Блатаны за двести лиг... время! Храм, конечно, только на тот год готов будет, но прочее-то – своим чередом...

– Своим чередом... – пробормотал Юайс, взглянул в сторону артельщиков, перевел взгляд на арку, за которой толпился народ. – Там был прошлый случай?

– Я ж говорю, раньше думал, что и не было, – признался Буил. – Дракона никто не видел. Даир пожаловался, что корову у него сожрали ночью. Одни кости остались горелые. Тогда, правда, копоты на камнях не было, но кости были. Я не поверил, но Даир полез мне показывать трещину как раз в арке, а уж там сверху обнаружили и следы когтей. По три с каждой стороны, кирпич выщерблен. Ну, Даир тут же побежал послание вычерчивать в Священный Двор, а я Смуита стал расспросами донимать. У них же ссора какая-то с Даиром была. Тот им плату задерживал, артельщики грозились работу оставить. А где в это время каменщиков найдешь справных? Я думал, что арку они специально сложили плохо, чтобы навредить Даиру, а уж следы от когтей молотками изобразили, там умельцы еще те. Вот тот же Скайтен...

Буил замолчал, посмотрев на второе тело.

– Пошли, – сказал Юайс. – Посмотрим.

Одеяло поднял высокий черноволосый здоровяк с чуть сдвинутым на сторону носом. «Смуит», – вспомнила имя вожака артельщиков Гаота. Не снок. Слишком высокий. Даже выше Юайса и Дойтена. Кто еще отличается высоким ростом? Арды, мисканы, сеолы, был еще какой-то народ, как же его... Нет, конечно, у всякого народа урождаются дылды, но так, чтобы почти каждый тянулся к небу... Вот они – все высокие. И те, что встали вдоль стены, когда защитник с помощницей, мастер стражи и Калаф подошли к ним, и особенно их вожак с мудрым, чуть утомленным взглядом, и даже мертвый под одеялом, с истерзанной грудью вытянулся на пять локтей, не меньше. Так кто они? Не мисканы. Не смуглы. Не сеолы, слишком широки в скулах. Не арды и не дорчи, слишком черны волосом. Как же...

– Слайбы? – спросил вожака Юайс.

– Они самые, – ответил чуть глуховатым, низким голосом Смуит. – Только на арданском один я говорю, да Скайтен... говорил.

– Я знаю слайбский, – ответил Юайс.

– Мы не ринские слайбы, – покачал головой Смуит. – Там нет таких хороших каменщиков. Таких вообще больше нет. Мы из-за гор. Из Айлы. У нас, если не поставишь хорошей башни, не перекроешь ущелье, жизни не будет. Дирги злобствуют! И говор у нас другой.

– И тот говор знаю, и диргский тоже, – успокоил вожака Юайс и тут же произнес несколько слов на незнакомом, обрывистом языке, заставив вожака поднять брови.

Тут же зашевелились и прочие артельщики.

– Ты понял? – спросил Юайс. – А ведь я мог скрыть знание вашего языка. Будь честен со мной, Смуит. Я – защитник от Священного Двора Вседержателя.

– Я понял, – кивнул Смуит. – Не твоей мы веры, но о ваших тройках слыхивали. Только что скрывать-то? Мы молчуны.

– И о чем же вы теперь молчите? – поинтересовался, уперев кулаки в бока, Буил. – Как так вышло, что у Скайтена две раны в груди? Или у Даира два багра было? И почему одежда без дыр? Он голым, что ли, был? И что твой каменщик делал под крылом дракона?

– Я в него багор не метал, – отчеканил Смуит. – А метнул бы – не промахнулся. Будь уверен. А одежду могло крылом дракона сорвать. Она отдельно была. Мы ее уже на мертвое тело надевали.

– А что же Скайтен делал ночью во дворе? – поинтересовался Юайс.

– Дракона вышел покормить? – скорчил гримасу Буил.

– То же, что и Даир, и Калаф, – ответил Смуит. – Свинья визжала. Скайтен мог выйти, посмотреть. Вон паренька видишь? Мором его кличут. Отец у него пропал, так он к нам прибил. Но по вечерам уходит домой. Мало ли, отец вернется? Ну, Скайтен беспокоился, наверное. Вдруг парень среди ночи к нам побежит? Из Мора, кстати, толк будет. И он сирота, родных у него не осталось, мать давно умерла. Или ты о нем побеспокоишься?

Гаота перевела взгляд на Мора. Тот смотрел на мертвого каменщика, не отрываясь. В глазах у мальчишки блестели слезы. И его светлые, почти белые волосы удивительно походили на седину. А он кто? Дорчи, скорее всего? Стоит, смотрит на своего погибшего друга, но трет не наливающиеся слезами глаза, а виски. Точно так же, как и Гаота. Но она сдерживается, не поднимает руки, пусть даже и хочется прикоснуться к собственной голове, снять боль. От боли у Мора расширены зрачки или от слез? До мальчишки шагов пять, но глаза кажутся черными провалами. И почему остальные артельщики тоже жмурятся? И глаза у их вожака тоже черны и непроглядны...

Смуит вдруг заговорил снова. На том же сухом и щелкающем наречии, на котором произнес что-то ему Юайс, но заговорил горячо и быстро, словно хотел рассказать что-то важное, чего не должен был понять Калаф и уж тем более Буил. Юайс его слушал, иногда вставлял одно или два слова, что вызывало новый поток красноречия вожака, и его артельщики словно

подтянулись, напряглись, прислушиваясь к словам своего старшего. Наконец Юайс посмотрел на Калафа, спросил его строго:

– За какой срок не выплачены деньги артели?

– А я откуда знаю? – замялся Калаф. – Я же не сэгат...

– Ты заведовал выплатами, – твердо сказал Юайс. – Или ты хочешь, чтобы к тебе пришел судья и сверил твои расходы? Ты забыл, что именно Священный Двор оплачивает строительство Храма в Граброке?

– За три месяца... – забыв о слезах, процедил сквозь зубы Калаф и тут же скорчил гримасу. – Подобрались чуть-чуть из-за шествия. А ты видел, как они строят? Уже купол должны были начать поднимать, а они только фонарь под него кладут! А арка? Дракон на нее сел, как же... Плохо клали, оттого и треснула!

– Так был дракон или не был? – спросил Юайс, остановив жестом готового разразиться проклятиями Смуита. – Если был ночью, значит, был и месяц назад. А если месяц назад его не было, то откуда он взялся теперь?

– Не знаю... – прошипел Калаф.

– Думаю, что я здесь на несколько дней, – сказал Юайс. – В твоих интересах, Калаф, рассчитаться с артелью. Ты понял?

– Понял... – зло прошипел слуга и зашагал прочь.

– Мы уходим пока, – повернулся к Буилу Юайс. – Я бы советовал подумать, есть ли в городе такое место, где мог бы укрыться большой зверь вроде дракона.

– Да брось ты, защитник, – поежился Буил. – У нас тут ни пещер, ни гор...

– Подумай, – попросил Юайс. – Если мне еще что-то понадобится, я обращусь. И к тебе тоже, – защитник посмотрел на Смуита. – Наш разговор не закончен.

– Всегда рад услышать родной говор, – поклонился защитнику Смуит. – Тем более что впервые слышу его в устах иноземца – и не могу отличить от говора соплеменника.

– Что скажешь о белоголовом мальчишке? – спросил Юайс, когда они вместе с Гаотой двинулись к выходу со двора.

– Он не прост, – пожалала она плечами. – У него, как и у меня, побаливает голова.

– Она болит у всей артели, – заметил Юайс.

– И он почувствовал, что она болит и у меня, – добавила Гаота. – Правда, теперь она болит чуть меньше.

– Чуть меньше... – пробормотал Юайс. – И об этом тоже надо подумать...

– Кто он, этот мальчишка? – спросила Гаота. – Колдун? Имни?

– Не знаю, – задумался Юайс и тут же повеселел. – А ведь ты точно угадала размеры дракона, так и есть, скорее всего. Правда, тут ведь и странности имеются.

– Какие же? – не поняла Гаота.

– Не мог он взлететь из этого двора, – сказал Юайс. – Дракону нужен разбег или обрыв. Ни того ни другого здесь нет. Вот с арки он взлететь мог. Тогда все сходится. Прилетел, выплюнул принесенные горелые кости, улетел. Осталось понять: зачем он их принес? Или он их отгрынул? И как он сумел похитить корову? И где он ее сожрал? Вопросы... Нет, отсюда вылететь он не мог, а вот если протиснуться через арку и на площадь... Но его бы там заметили. Другого выхода из двора, кажется, нет. Храм, часовня, навес с резаным камнем, дом сэгата, каменный сарай, гостинный двор, стена вдоль Пекарской улицы, колокольня. Нет выхода...

– Так куда он делся? – не поняла Гаота.

– Не знаю, – хмуро бросил Юайс. – Одно из объяснений – магия. Она может скрыть что угодно. Десяток драконов выберутся на площадь, и ни одного из них не увидит дозор Буила. Так что прямая дорога нам к местным колдунам, которых должно быть четверо, но, как говорит Буил, не осталось ни одного. Есть, правда, старик-прорицатель, но давно уже ото-

шел от дел... Даже и ярлык не продлевал, хотя мастер стражи говорит, что подколдовывает понемногу. А магия в городе есть. Она тут вроде как висит в воздухе, но какая-то... иная. Неровная, что ли... Что-то тут неладно... Сокрытия я не почувствовал, но колдун должен знать. Всякое колдовство – как крик во все горло. Хороший колдун далеко слышит и понимает все в этом деле. А тот старик вроде как был хорошим колдуном.

– Ты его знаешь? – спросила Гаота.

– Крышу и чашу не делил, но наслышан, – кивнул Юайс.

– Это все? – спросила Гаота.

– А что еще? – не понял Юайс.

– Этот Смуит говорил долго, – пожала плечами Гаота. – Или он только жаловался на скупого сэгата?

– Он что-то недоговаривает, – признался Юайс. – Скрывает что-то. Но главное, то, что я от него ждал, сказал. Слайбы – древний народ. Его история составляет не одну тысячу лет. Знаешь, как слайбов называют дирги? Погонщиками драконов.

– Погонщиками драконов? – восхитилась Гаота. – Так выходит...

– Пока ничего не выходит, – нахмурился Юайс. – Драконов нет уже много веков. И в слайбских ущельях их тоже нет, поверь мне. Я был там. Уж не знаю, кто их извел, но они исчезли, говорят, как-то сразу. И о том, куда они делись, не знают даже сами слайбы. Хотя драконы у них вроде как были особенными. Ручными.

– А если вдруг один дракон... – затаила дыхание Гаота.

– Тогда мы его должны найти, – кивнул Юайс, посмотрел на Гаоту, замер и резко повернулся к толпе, до которой остался десяток шагов. – Что ты? Что ты окаменела?

– Увидела... – прошептала Гаота чуть слышно. – На мгновение, на секунду... мне показалось, что в толпе тот колдун, который послал мою семью на смерть... Только хотела приглядеться, а он растаял. Исчез, словно ветром его унесло.

– Подожди.

Юайс взял Гаоту за руку, положил ладонь ей на глаза, помолчал несколько секунд, затем щелкнул пальцами, обернулся и закричал с тревогой:

– Мастер стражи Буил! Кажется, твоя помощь может пригодиться!

Глава 6

Юайджа

Их и в самом деле было четверо, неприметно одетых, но подтянутых и как будто готовых к схватке в каждую секунду выпавшей им жизни. Но что показалось Дойтену самым удивительным, старшей среди этих четверых была женщина, пусть даже она не уступала ни одному из них силой, а уж красотой превосходила всех красоток, воспоминания о победах над которыми Дойтен хранил так бережно, как не хранит нажитые к концу жизни сокровища какой-нибудь скупец. Впрочем, вряд ли егеря нуждались в том, чтобы кто-то вразумлял их или указывал им на их место – ни бледнокожий высокий красавец Фас из народа дорчи, ни широколицый снок Сос, ни кудрявый весельчак мискан Чатач. Глума представила их Дойтену сразу и больше не помянула ни словом, ни жестом, и они тоже не раскланивались ни с новым, испортившим им охоту, знакомцем, ни со своей атаманшей, но, не говоря ни одного лишнего слова, делали свою работу. И минуты не прошло, как нехитрая мебель в доме Цая была расставлена по местам, туша имни завернута в половик и перетянута бечевой, меч Дойтена протерт до блеска и убран в его же ножны, а возбужденно вращающий глазами Кач отправлен в трактир за тележкой или лошадью для раненого усмирителя. Правда, как понял Дойтен, мальчишке сначала следовало завернуть к ратуше, найти мастера стражи Буила да втолковать ему, что первого убитого в Граброке зверя следует поместить на лед в мертвецкую, для чего тележка или что-то похожее от бургомистра тоже пригодится. Дойтен смотрел, как смуглый Чатач тщательно ощупывает, перебирает убогое имущество уже покойной вдовы Цая, и думал, что мискан мог и не быть весельчаком, ни единой шутки не услышал от него Дойтен, просто губы у егеря были сложены в презрительную усмешку, но, скорее всего, он таким и родился, потому как смеяться было не над чем. Да и странно было ожидать улыбки от человека, на поясе которого висели не только меч, но еще пара кинжалов, ножи и широченный мисканский тесак-лепесток в проклепанных сталью ножнах.

– А ну-ка, – предложила Глума мягким голосом, от которого у Дойтена заледенело в груди, – пошевели пальцами. Отлично. Согни руку... Будем считать, что тебе повезло. Не только кости целы, но и сухожилия. Однако в ближайший месяц или два толку от тебя будет немного. Хотя, если попадешь к хорошему лекарю...

– О каком толке говоришь? – попытался напустить на себя бравый вид Дойтен.

– Не о том, о котором ты подумал, – позволила себе улыбнуться Глума. – Почему не ударил девчонку? У тебя нож был в левой руке!

– Ты бы еще спросила, почему она не перекусила мне руку, – буркнул Дойтен. – Я слышал, что даже маленький имни в состоянии раздробить кость. Тем более что наручи я не надел!

– А вот это зря, – выпрямилась Глума и со звоном стукнула друг о друга предплечьями. – Боюсь, что в этом городе доспех следует надевать даже днем. Всегда говорила, что самый опасный лес мне милей городских улиц, которые словно составлены из пещер. А я не люблю подземелья. Так что ночью простенькую кольчужку под котто и тебе советую.

– Так ты еще стройней, чем кажешься!.. – присвистнул Дойтен. – И кто же тебе помогает облачаться?

– Справляюсь, – скривила губы Глума. – Что касается твоей руки... Как выглядел зверь? Ты ведь сказал что-то о чешуе?

– Мне показалось, – поморщился Дойтен; пальцы его слушались, но всякое движение ими пробуждало в руке боль, которая отзывалась во всем теле и сильнее всего ударяла в голову. – Блеснуло что-то на спине и на плечах. Словно пластины. Не будь она зверем, я бы сказал, что это был доспех. Синевой отдавало. А так-то... То ли огромная куница, то ли змея с лапами, то ли росوماха, но с длинным хвостом. Не знаю.

– А морда? – спросила Глума.

– Морда?.. – задумался Дойтен. – Морда – звериная. Я бы сказал, что волчья, но уши уж больно узкие, и широка она для волчьей. Лобастая, но одновременно приплюснутая, что ли... А ударить... Не смог ударить. Глаза оставались человеческими. В них ужаса было больше, чем злобы. Она все еще была Ойчей, дочерью Цая. Понимаешь?

– Ты хочешь сказать, что внутри она оставалась человеком? – задумалась Глума.

– Так ведь бывает, – сдвинул брови Дойтен. – Я, конечно, не книгочей, но слышал. И ты хотела, чтобы я ее убил?

– Добрый ты, – заметила Глума. – Даже странно. Странно для палача.

– Я не палач, – попробовал встать, но покачнулся и тут же снова присел Дойтен. – Я усмиритель.

– У вас там есть один усмиритель во Дворе, – кивнула Глума. – Его Дэтом зовут. Знаешь такого?

– Ну кто ж его не знает? – усмехнулся Дойтен. – Здоровяк каких мало. И дело свое исполняет исправно. Он ведь раньше тоже был егерем?

– Был, – согласилась Глума. – Но не в наших лесах, а за горами. Говорят, что перестал быть, и хорошо, что жив ушел. Так вот он – никакой не усмиритель, а палач. И он бы эту девчонку просто так не упустил.

– Ты сейчас меня ругаешь или Дэта? – не понял Дойтен. – Я с ним дружбу не вожу. И вино из одного кубка с ним не пил. Что тут вообще происходит, демон меня раздери? Что это был за зверь? И кто убил Цая? Неужели собственная женушка пришла ночью и прикончила его? Вы чего ждали у ее дома? Когда она вновь перекинется?

Дойтен снова попытался встать, но Глума надавила ладонью ему на здоровое плечо.

– Ты сиди пока, усмиритель. В себя пришел, а магию из головы так и не вытряс... Ничего, пройдет...

– Магию? – не понял Дойтен.

– Её самую, – кивнула Глума. – Укус мог быть ядовитым, на тех отпечатках зубов, что кожу не пробили, видны устья для яда. Но яда в ране нет. А вот приворот зверь бросить успел. Но вряд ли осознанно. Я даже думаю, что она впервые перекинулась. Может быть, и мать ее – впервые...

– А кто же тогда с Цаем расправился? – удивился Дойтен. – Разве не женушка приласкала его у западных ворот прошлой ночью?

– Нет, усмиритель, – вздохнула Глума. – Тот зверь был крупнее. Думаю, что раза в два. К тому же запаха той дряни, которой был напичкан Цай, в его доме нет. И ничего такого, из чего ее можно было бы приготовить. Но следы зверя от ворот мы проследили до этого дома.

– Так в чем сомнения? – сдвинул брови Дойтен. – Все сходится!

– Не сходится, – покачала головой Глума. – Зверь постоял напротив дома и ушел к реке. Там след теряется.

– Значит, по городу он все-таки разгуливает, – понял Дойтен. – Вы-то, я понял, тоже не спите? Или сидите в трактире у Юайджи? Кстати, как она? Давно не заглядывал!

– Ты смешной, – заметила Глума. – Мы – черные егеря. Мы не развлекаться в Граброк прибыли, а охотиться на мерзость. Отметь, не на имни, которые в том же Тэре не скрывают свою принадлежность к тайному народу, а являются достопочтимыми горожанами. Мы охотимся на мерзость, которая убивает. Или может убить.

– Вот как она? – кивнул на убитую кошку Дойтен. – Или как ее дочь?

– Хотела бы я знать ответ на этот вопрос... – задумалась Глума. – Не всегда человек или имни властен над собой. Иногда он может просто защищать себя. А ведь если бы не твоя глупая шутка со свистком, сейчас жена Цая и ее дочь сидели бы за этим столом.

– Кто же мог подумать?! – воскликнул Дойтен.

– Кто мог, тот подумал, – бросила Глума. – Остальным перевязывают раны. В лучшем случае. Но то, что случилось, уже случилось. Теперь мы можем только уповать, что нам удастся поймать девчонку.

– Вы зверя не можете поймать, – стиснул зубы Дойтен, – а девчонка меньше его в четыре раза, раз уж она меньше матери в два раза. Я вот не знаю: неужели Граброк так велик, как Сиуин или даже Тэр, что тут кто-то может укрыться от стражи и четырех егерей?

– Граброк не слишком велик, – сказала Глума, – и если мы кого-то не можем найти, значит, его кто-то прячет.

– Так найдите девчонку, – предложил Дойтен. – Ей негде прятаться. Годика три назад я разговаривал с Цаем, он сказал, что родни у него в Граброке нет. Ни у него, ни у его жены. Деньги он у меня занимал.

– Так ты за деньгами пришел? – поняла Глума.

– Я пришел отказаться от долга, – буркнул Дойтен.

– Хочешь казаться лучше, чем ты есть? – подняла брови охотница.

– А надо? – удивился Дойтен. – Пока румянами не запасался. Я и так тот, кто есть. Не перекинусь, не беспокойся. Я обычный ард.

– Она может быть у отца... – понизила голос Глума. – Найдем отца – найдем и ее.

– У какого отца? – не понял Дойтен. – У того, что без ноги лежит сейчас в мертвецкой на льду?

– Цай не был ее родным отцом, – заметила Глума. – И мы узнали это благодаря тебе.

– Благодаря мне? – снова попытался вскочить на ноги Дойтен. – Да я ни полслова о нем не молвил! Да и откуда мне знать?

– Олта была имни, – объяснила Глума. – Цай был обычным человеком. Если бы Ойча была дочерью Цая, то она была бы или обычным человеком, или тоже имни. И, кстати, могла бы прожить всю жизнь, не подозревая, кто она есть. Как и ее мать. Но даже в этом случае, перекинувшись, она бы могла быть только кошкой. Кошкой и никем иным. Тебя укусила за руку кошка?

– Нет, – потер руку Дойтен. – Какая-то непонятная зверюга с человеческими глазами.

– Ее отец – не Цай, – проговорила Глума. – Может быть, он – тот самый зверь, что стоял у калитки этого дома?

– Какой зверь?.. – прошептал Дойтен.

– Чатач? – повернулась к кудрявому егерю Глума.

– Степной медведь, – отозвался мискан. – Страшный зверь. Очень редкий не только среди имни, но и в диких лесах. Особенно на их окраинах. Дирги боятся его как огня. Некоторые считают, что он уже истреблен, но страха это не уменьшает. Он не боится открытых пространств, быстро бегает, причем не минутами, а часами. Не ложится в спячку. Плотояден не по случаю, а постоянно. Среди имни очень редок. Чрезвычайно. Я не знаю ни одного случая.

– И кто же мог родиться от связи имни-кошки и имни-медведя? – спросил Дойтен.

– Кто угодно, – усмехнулся Чатач.

– Или кошка, или медведь, – кивнула Глума. – Я не отслеживала, но в охотничьих уложениях говорится так. Но еще там говорится, что очень редко, один раз на тысячу или на десять тысяч подобных союзов, рождается не простой имни, а олти.

– Олти? – не понял Дойтен. – А это что за ерунда?

– Это имни, который может перекинуться в разное, – ответила Глума. – Стать придорожным камнем, птицей, деревцем, зверем, гадом – кем угодно. И даже сохранять при этом разум. При должном усердии, конечно. Я не великий знаток, мне не приходилось сталкиваться с олти; или я сталкивалась, не зная его породы, но это очень плохо, усмиритель, очень.

– Опасно? – нахмурился Дойтен. – Она что, может полгорода перегрызть?

– Судя по твоей руке, вряд ли, – ответила Глума. – Опасно для самого ольти, тем более для ребенка. За такими идет охота. Они очень ценны.

– Для кого? – не понял Дойтен.

– А вот это ты спросишь у своего защитника, – неожиданно печально проговорила Глума. – Поверь мне, он знает.

– Я знаком-то с ним всего пару недель, если не меньше, – прищурился Дойтен.

– Я бы на твоём месте радовалась такому знакомству, – заметила Глума.

– А что мне радоваться? – не понял Дойтен. – Он что – баба, что ли? Или неизвестный мне мой родственник? Будет схватка, сумеет прикрыть меня со спины – буду радоваться.

– Сумеет, – уверила Дойтена Глума. – Если сам жив останется. Впрочем, хотела бы я посмотреть на того, кто сможет его убить... Или нет: не хотела бы...

– Девчонка может прийти обратно, – сказал, заходя в дом, Сос. – Лаз, через который она выскочила, неприметен. Она сейчас где-нибудь в окрестностях, но ночью вернется. Ни одежды, ничего нет. Ночи холодные. Обычно через час они перекидываются обратно. С непривычки.

– Вы будете здесь ее ждать? – спросил Дойтен.

– Нет, – сказала Глума. – Она почувствует и уйдет. Или совершит какую-нибудь глупость. Не забывай, она еще ребенок. Мы уйдем, закроем дверь снаружи, прикроем ставни. Еда здесь есть. У нее должно быть место, где она укроется. Не забывай, она никого не убила. Кстати, ты бы держал язык за зубами... На нее могут охотиться. Все это не просто так, усмиритель...

– Не город, а охотничьи уголья! – воскликнул Дойтен.

– А вот это точно, – согласилась Глума. – По словам мастера стражи, в городе много незнакомцев, слишком много. Обычно они появляются за два-три дня перед шествием, но не за три недели. И ворожба какая-то чувствуется. Почти все колдуны ушли из города. Может, и еще кто. Это неспроста, усмиритель.

– А ты думала, что тройка Священного Двора Вседержателя прибыла в Граброк поесть местных пирогов? – приосанился Дойтен.

– Нет, – с усмешкой поклонилась Дойтену Глума. – Вы прибыли поохотиться на дракона. Я уже знаю. Желаю вам удачи, несмотря на то что драконов нет и не было уже тысячу лет. Думаю, что это какая-то шутка, хотя шутка, скорее всего, плохая. Но, может быть, и зверь вас заинтересует, и мерзость, что летает ночами над рекой, и колдовство, и слухи о...

– О явлении? – спросил Дойтен и, когда Глума не ответила, повторил: – Ты слышала о явлении? Тут, когда трактирщик заикнулся об этом деле, на нашем судье лица не стало. Что это за ерунда? Вы здесь из-за этого?

– Нет, – ответила после долгой паузы Глума. – Нас нанял бургомистр, когда начались смерти.

– Как можно нанять черных егерей? – не понял Дойтен. – Вы же несете службу за тысячу лиг от этих мест.

– И егерям нужно что-то есть и иногда расплачиваться за выпитое вино, – сухо заметил, заходя в дом, Фас. – Вокруг дома чисто.

– Мы знакомы с ним, – понизила голос Глума. – С бургомистром.

– Так и он был черным егерем? – вытаращил глаза Дойтен.

– Нет, – рассмеялась Глума. – Ты можешь хранить тайны, усмиритель?

– Я их умею *хоронить*, – твердо сказал Дойтен.

– Ну, тогда, – Глума задумалась, – считай, что когда-то мы встретились на охоте.

– И где же тут тайна? – не понял Дойтен.

– Встреча и есть тайна, – развела руками Глума. – Храни ее нераспечатанной. Может быть, станешь бургомистром когда-нибудь.

– Бог мой... – пробормотал Дойтен. – И тут тайна? На охоте, говоришь? Моя беда в том, что я мало времени уделял в жизни развлечениям? Хотя как раз им я и уделял все свое

время... Но я не слишком хороший человек, уверяю тебя, Глума. Не болтун, тут ты не волнуешься. Но так-то... Даже здесь сначала пытался уладить собственные дела. Надеялся навестить старую подругу. Не по возрасту старую, по знакомству. Не был в городе три года, не случилось okazji, но присылал ей подарки. Редко. Раз в полгода. У нее двое детишек было, их забрали родные. Не мои дети, просто детишки. А ее убил зверь. Она та самая молочница.

Дойтен выдохнул, помолчал несколько секунд, ущипнул себя за нос и добавил:

– Я еще и поэтому не ударил ножом звереныша. Защемило что-то.

Клокса трясло. Нет, конечно, он вылетел из ратуши не в таком смятении, как пятнадцать лет назад из гарской гостиницы, но его трясло и поочередно бросало то в жар, то в холод. И не из-за надоедливой, наглой книгочея, который сказал ему что-то непонятное, или почудившегося Эгрича. Нет, его трясло от того, что все совпало. Включая и головную боль, которая только теперь стала ясной – окончательно поселилась в голове, уперлась твердыми пятками в затылок и стала стучать кулаками по вискам. Уезжать. Закончить с этим поганым драконом, кем бы или чем бы он ни оказался, и уезжать. А уже дома, в каморке на окраине Сиуина, выбраться в садик с облетевшей листвой, сесть в резное кресло, наполнить кубок и не отрываясь, смотреть на белые вершины Рэмхайна, которые всегда видны между крыш. Одно плохо: никто не ждет там судью Клокса, не случилось как-то создать ему семью. То времени не было, то не с кем, а потом уж и не надо. Никто его не ждет дома, разве только бочонок хорошего одисского вина...

Клокс расправил плечи и окинул взглядом площадь. Народу на ней было не особенно много, разве только слуги галдели у ратуши, всхрапывали лошади, да зеваки толпились чуть поодаль, у храма. По правую руку и в центре площади стучали молотками плотники и махали кистями маляры, возводя игрища для забав и спешно наводя блеск перед скорым шествием на прикрывающие реку торговые ряды. За ними, за низкой стеной городской цитадели, на другом берегу реки высилась сложенная из серого камня башня летнего королевского замка, который сам король Сиуина не жаловал, присылал сюда своего братца. Левее в проеме ворот изгибался над узкой речкой Дарой древний каменный мост. За ним играли на осеннем ветру шатры торжища. Еще левее темнела древняя часовня, а возле нее высилась громада недостроенного храма, который вместе с будущим куполом должен был сравняться с храмом в Сиуине, и уж точно перещегоолять похожий храм в Гаре.

– В Гаре... – с отвращением пробормотал вполголоса Клокс, сплюнул, поклявшись, что не пойдет сегодня в храм, пусть там Юайс и разбирается с этой своей смазливой ученицей; судья должен вершить дела, а не копать в них, словно мусорщик. Да и зачем ему дался этот Гар? Пятнадцать лет прошло. К тому же там даже колокольни такой нет. Вон золотое колесо с восемью спицами – сияет на осеннем солнце. Точно такое же, как поганый рисунок на макушке холма в Гаре. Восемь линий. Восемь отрубленных голов. И обугленная мерзость в самом центре... Нет, не будет сегодня ни старания, ни усердия. Надо остановиться. Отдышаться. Разогреть нутро теплым вином. Поговорить с кем-нибудь...

Трактир Юайджи был рядом, вклиниваясь в площадь с севера. Только и дел-то, что перевести лошадь от одной коновязи до другой, бросить медную монету мальчишке-старателю, толкнуть тяжелую дубовую дверь и оказаться в уютном зале, в котором Клокс не был уже три года, но прекрасно помнил, что заведение его старой знакомой относилось к тому редкому их числу, в которых как ни сори деньгами, а все одно – ни одна монета не будет выброшенной зря.

Народу внутри оказалось не слишком много, но и не мало, что позволяло сделать вывод, что Юайджа получает прибыль не раз или два в год, а во всякий день. Посреди уютного зала, края которого были поделены резными перегородками на приятные закутки, словно соты в пчелином улье, потрескивал огромный камин, но главное огневое действие происходило в глу-

бине каменного здания, потому что звон посуды и удивительный запах изысканных кушаний долетали именно оттуда. Лампы в трактире по случаю полудня не горели, а сгуститься сумраку не давали огромные, хоть и узкие окна. «Ну точно, – с усмешкой подумал Клокс. – Никто из гостей Граброка не избежал ошибки. Всякий думал, что это торжественное здание – ратуша, а сама ратуша – бог знает что, хотя вроде бы и буквы на трактире вывешены, и запах сам по себе направляет всякого алчущего удовольствия туда, куда ему и нужно. Однако прошлый бургомистр не раз говорил, что если еще пару раз голодный путник ворвется в ратушу, он отберет у Юайджи ярлык. Не отобрал. А теперь уж и бургомистр поменялся...»

Судья огляделся, поправил на груди мантию, пожалел на мгновение, что не скинул ее еще на лестнице в ратуше, потом махнул рукой и двинулся вправо, где, на его счастье, оказался свободным столик в самой дальней отгородке. Ничего, что тесновато, для одного-двух человек места хватит, зато ни чужих взглядов, ни чужих ушей. Клокс уселся на обитую войлоком скамью, хотел было поискать взглядом служку, но и искать не пришлось. Миловидная девчушка лет пятнадцати или около того словно соткалась из воздуха. Судья не успел удивленно поднять брови, как перед ним оказался высокий чеканный серебряный кубок с крышкой, из-под которой вырывался аромат разогретого вина с медом и травами, плоская пряной сметаны, несколько ломтей сноцкого хлеба и большое блюдо обжаренной с овощами свинины.

– Это как же? – удивленно произнес Клокс. – Откуда ж...

– Матушка заметила вас, почтенный судья, когда вы еще крутили головой у выхода из ратуши, – поклонилась девчушка. – Она решила, что общение с бургомистром и уж тем более с герцогом непременно следует запивать горячим вином и закусывать всем тем, что вы любили и раньше. Она надеется, что ваши вкусы не изменились. Ешьте, она подойдет к вам чуть позже.

«Матушка», – покачал головой Клокс, но за еду принялся немедленно, гадая, сколько же все-таки лет этой девчонке и как он мог не заметить, что ее мать была беременной в те годы, когда и сам Клокс был чуть помоложе? И почему она не показывала дочь три года назад, когда тройка была в Граброке в последний раз?

– Как тебе моя дочь? – раздался знакомый голос, когда Клокс успел очистить блюдо и уже тянул вино из кубка, прикрыв глаза.

Напротив него присела Юайджа. Она несколько не изменилась за три года, разве только седины стало больше в волосах, да некоторые морщины на лице заявили о себе резче. Но глаза оставались все теми же, которые Клокс помнил. И, кажется, в них еще жил тот ужас, который не покидал и самого Клокса. Ведь именно она, Юайджа, была той самой горничной, что ползала по полу черного зала вместе с Клоксом и Мадром. Пятнадцать лет назад. В Гаре.

– Я его видела... – прошептала она, наклонившись вперед.

– Где ты прятала дочь три года назад? – поинтересовался Клокс, словно и не услышал слов трактирщицы.

– У меня брат в Блатане, – пожала плечами Юайджа и произнесла почему-то дрогнувшим голосом: – Я же из дорчи. Это он помог мне купить трактир здесь, хотя пятнадцать лет назад это был разваливающийся конюшенный двор. Впрочем, я уже рассказывала тебе об этом. Дочь жила у брата. Училась грамоте, набиралась ума. Теперь пришло время помогать матери. Ее Слодой зовут. Красавица, правда?

– Недурна, – согласился Клокс. – Стройна, резва, обходительна. Где моя юность, Юайджа?

– Я его видела, – повторила Юайджа, снова наклонившись к Клоксу.

– Кого? – спросил он.

– Эгрича, – понизила она голос. – И Мадра.

– Показалось, – покачал головой Клокс. – Мне тоже показалось. Недавно. Пригляделся – ничего похожего. Худоба какая-то. Да и посуды сама... Пятнадцать лет назад Эгричу было

за шестьдесят. Сейчас ему было бы уже под восемьдесят. Он был бы стариком. А мерещится прежний Эгрич, да еще, пожалуй, лет на пять – десять помоложе пропавшего. Так же не может быть?

– А что Мадр делает в городе? – спросила Юайджа.

– Не знаю, – поставил кубок Клокс. – Я его еще не видел. Год назад он исчез.

– Как исчез? – не поняла Юайджа.

– Просто исчез, – пожал плечами Клокс. – Его не оказалось в келье. Ну, хватились не сразу. Заботы захлестнули. Как раз прошлое шествие близилось. А вот как пришлось нам отправляться в Амхайн – было там одно дело, все-таки поганный лес рядом, – Мадра и не оказалась. Только записка. Во всю стену.

– И что же там? – спросила Юайджа.

– Сиуинский сэгат велел замазать надпись и никому не рассказывать, – напряг скулы Клокс.

– Брось, судья, – скривилась Юайджа. – Мне покойная маменька тоже велела честь блюсти да подол не задирает перед каждым, а ты не раз руки свои между ног мне запуская, и если бы не та беда, что накатилась на Гар пятнадцать лет назад, то запустил бы и не только руки. Да и после случалось всякое... Забыл, что ли?

– Сколько дочери лет? – спросил Клокс.

– Пятнадцать будет к весне... – прошептала Юайджа. – Да, я на сносях тогда была. И если ты спросишь, кто ее отец, не скажу. Молодая была, глупая.

– Теперь стала умная? – спросил Клокс.

– Не знаю. – Она помрачнела и как будто стала старше лет на десять. – Мне ведь и сорока еще нет, судья. А уж пятьдесят будет совсем не скоро. Может, и не будет. А мне все дают больше пятидесяти.

– А что с тобой? – спросил Клокс.

– Горло жжет, – прошептала Юайджа. – Не разглядывай. Нет ничего. Ни шрама, ни нарыва, ни опухолей. К колдунам ходила, к лекарям. Уже месяц жжет. И раньше схватывало, но никогда *так*. Точно так же, как тогда, когда мы все трое валялись на полу в комнатке монашек этих... невест Нэйфа. Может, кто-то меня тогда не додушил, теперь петельку затягивает?

– И где же та петелька? – спросил Клокс.

– Не знаю. – Она закрыла глаза. – Я тут видела такую монашку. Не знаю, одну из тех или другую. Но видела. И мужчину видела с седыми локонами. В зеленом. Он еще улыбается часто. Сказала бы, что противный, если бы не слеза в его глазах. Он ведь был тогда в Гаре. Частенько сидел внизу возле стражника. И в тот день тоже был. Я его узнала. Что было написано на стене?

– «Грядет», – ответил Клокс. – Было написано одно слово: «Грядет».

– Не поняла... – сдвинула брови Юайджа.

– Грядет, ожидается, случится, будет, произойдет, – пожал плечами Клокс. – Чего уж тут непонятного?

– Что произойдет? – спросила Юайджа, и в этот самый миг Клокс вдруг понял, отчетливо осознал, увидел, что повторяется все то, что уже было, и где-то в этом сиуинском городке уже вычерчивается страшный рисунок, долженствующий явить... Кого явить?

– Что тут у вас происходит? – спросил он Юайджу сам.

– Все то же, – ответила она. – Люди гибнут. И с каждым погибшим петля на моей шее затягивается. Я это чувствую. Я ничего не знаю об этих слухах – о драконе, о какой-то дряни, что воет над рекой. О звере. О твоём Мадре или Эгриче... Я знаю только о том, что скоро мне будет нечем дышать. Если бы не помогал мне один старичок...

– Передай Мадру, если увидишь его еще раз... – Клокс встал. – Передай, чтобы нашел меня. Я остановился, где обычно.

– А что передать Эгричу? – Она поднялась тоже.

– Ничего, – Клокс тяжело выдохнул. – Сколько я тебе должен?

– Как обычно, – ответила Юайджа. – Ничего.

– У меня теперь новый защитник, – сказал Клокс. – Вроде бы знает тебя. Твой трактир – уж точно. Его зовут Юайс.

– Не слышала, – пожала плечами Юайджа. – Его надо привечать? Как он выглядит?

– Обычно, – вздохнул Клокс. – Насчет привечать – твои дела. Монеты на пропитание двор ему выделил. А так-то... Если даже мантию снимет, сразу его узнаешь. Он высокий. Кажется, ард или даже дорчи, как и ты. У него очень светлые волосы. Не седые, но очень светлые. И он закрывает ими лицо. Глаз не разглядишь. Пряди спадают ему на лоб и на скулы. Он странный. Не плохой, но какой-то...

– Сколько ему лет? – напряглась Юайджа.

– Не знаю, – скривился Клокс. – Может быть, тридцать. Я бы дал меньше.

– Тогда не он, – с грустью улыбнулась Юайджа. – А то был похожий красавчик. Тоже все лицо прикрывал прядями. Один из первых у меня. Но не думай, Слода не его дочь, он не появлялся в Гаре в тот год. Был лет за восемь до того случая. Я ведь голову потеряла. Сама девчонкой еще была. Он и исчез. Думаю, что как раз из опасения за мою голову. Он-то ведь не любит никого. Или не любил так, как любила я. А потом появился через год после того случая. Мне показалось, что он возмужал, а может, и нет. Но у нас уже не было ничего. Я Слоду грудью кормила, все никак прийти в себя не могла. Так он перевез меня в Граброк, устроил тут у Транка в трактире, оплатил все. Съездил в Блатану, нашел моего брата. Уж не знаю, о чем говорил с ним, но тот вспомнил сестрицу, привез деньги, купил это здание. Светловолосый и с этим все уладил, договорился со всеми, мне втолковал, как и что делать, и опять исчез. Теперь уж навсегда. Его Галайном звали. Если он жив, теперь ему не меньше пятидесяти. Старенький уже.

– Мне шестьдесят пять, – заметил Клокс.

– Увы, – развела руками Юайджа. – А я выгляжу почти твоей ровесницей.

– Так больше и не появлялся твой благодетель? – спросил Клокс.

– Нет, – вздохнула Юайджа. – Но сказал, что мне будет трудно. Сказал, что я лишнего наговорила тогда в гостинице.

– Откуда он узнал? – спросил Клокс.

– Я сама и рассказала, – ответила она. – Я все помню. Помню, что Мадр катался по полу и кричал. Обещал служить, обещал в раба обратиться.

– В чьего раба? – спросил Клокс.

– Тебе лучше знать... – прошептала Юайджа. – Ты же тоже клялся. Я слышала. Правда, ты смерти просил. Так ведь?

– И где та смерть? – поинтересовался Клокс.

– У смерти свои дороги, – пожала плечами Юайджа, – но она никогда не опаздывает.

– Только я не сижу на месте, – усмехнулся Клокс. – А ты что обещала? Ты ведь тоже молила о чем-то? Визжала! В судорогах билась! Ты что обещала?

Юайджа покачнулась, побледнела, устояла, ухватившись за край стола.

– Я обещала всё.

Он вышел из трактира едва ли не в большем смятении, чем вошел в него. Вышел и столкнулся с монашкой. Женщина остановила его, прижав ладонь к мантии. Подняла глаза и проговорила глухо, но настойчиво:

- Уходи, судья. Уходи из города. Не в твоей власти остановить то, что нельзя остановить.
Сбереги хотя бы себя.
- От чего сберечь? – не понял судья.
- От того, что грядет, – ответила монашка.

Глава 7

Галайн

За тяжелой дверью, возле которой маялся долговязый стражник, начиналась узкая лестница в глубокий подвал мертвецкой. В нос ударило запахом той же дряни, которой пахло от несчастного Цая. Гаота нащупала рукоять материнского меча, словно он должен был придать ей смелости, и двинулась вслед за ключником ратуши и Юайсом по черным ступеням в темноту, поскольку тусклый огонек лампы в руках седого старика освещал только его самого.

– Там будет поярче, – обернулся и прошамкал беззубым ртом ключник, навевая на Гаоту еще больший ужас. На мгновение ей показалось, что в гости к мертвецам ее ведет такой же мертвец. К счастью, широкая спина Юайса внушала хоть какое-то спокойствие. К тому же неприятное приключение скрашивалось неожиданным исчезновением головной боли. Она ушла, словно ее и не было, едва парочка ступила на первые ступени, но объяснением тому, кажется, служили развешанные на стенах амулеты и обереги.

– Всё бургомистр, всё господин Скот, – шамкал ключник, громыхая замками у нижней двери. – И здесь, и внизу – все заговорено и обережено по его указанию.

– Боится, что мертвецы разбегутся? – спросил Юайс.

– А чего им разбегаться? – толкнул тяжелую дверь ключник. – Мертвецы – они мертвецы и есть. Им надлежит лежать и ожидать собственной участи.

– В самом деле?

Гаота вслед за Юайсом зашла под своды подземелья, поежилась еще и от холода и снова уцепилась за рукоять меча, ожидая, когда тьма рассеется, потому что ключник стал бродить между колонн и зажигать жестяные лампы.

– А разве они не собственными ногами пришли к дверям мертвецкой? – спросил Юайс.

– А кто это видел? – захихикал ключник. – Нашли их у входа. Может, это зверь их и принес? А след-то... Мало ли следов на улицах? Пройдешь по Молочной улице порой поздней осенью, так кровавых следов полно будет, время скотину резать придет. Так и здесь. Мажь кровью башмаки да топай.

– Шуточки, выходит? – спросил Юайс.

– Может, и шуточки, – зевнул ключник. – А ты думал, что мертвецы на кладбище собственными ногами отправляются? Смотри. Вот они, родимые, в целости и сохранности.

Тела лежали в больших деревянных ящиках, наполненных льдом до половины высоты, поэтому, чтобы увидеть несчастных, Гаоте пришлось вслед за Юайсом, хлопая холодной водой, стоявшей лужами на полу подвала, подойти ближе. Шесть тел в шести ящиках. В отдалении высился еще штабель подобной тары, а в противоположном углу была устроена выгородка, лед за которой поднимался под самые своды. Шесть тел были уложены на спины, походя друг на друга, но только тело Цая было изуродовано. У всех прочих – и у двоих парней в исподнем, и у седобородого старика, и у широкоплечего мужчины, и у довольно молодой женщины – была вырвана гортань. Между собой мертвецы были соединены цепями, прихваченными кольцами на лодыжках.

– Все-таки боитесь, что убегут, – заметил Юайс.

– То не мое дело, – буркнул старик. – Может, их украсть кто захочет?

Юайс сдвинул рукав на руке женщины. На белой коже отчетливо выделялся темный рубец, прихваченный несколькими стежками суровой нитки.

– А это что? – спросил он ключника.

– А я почем знаю? – удивился тот. – Я и об их шеях ничего сказать не могу, а ты меня в какие-то разрезы да швы тычешь. Мало ли...

– Ты хочешь сказать, что здесь, в этом подвале, никто этого сделать не мог? – уточнил Юайс.

– А кому это надо? – не понял старик. – Ключи только у меня, да и запускал я за этот месяц сюда лишь самого бургомистра, мастера стражи да четверку его стражников, чтобы помогли перетащить кого куда, льда насыпать да уложить на место. А тех стражников так от моего хозяйства воротило, что уж точно не их это работа.

– Чья же тогда? – словно сам себя спросил Юайс, переходя к трупам седобородого, и окликнул Гаоту, уже наклонившись к следующему рукаву. – А ты не скучай, Гао, не скучай. Представь, что эта шестерка жива. Приглядишься к ним, приглядишься. Что за чары на них или лежали, или все еще и лежат?

– Их кто-то вел... – прошептала Гаота.

Юайс продолжал возиться с трупами, старик взял жестяную лопату и принялся сгонять воду с пола в устроенное в углу отверстие, а она попробовала прислушаться к линиям и цветам. Впрочем, повторить то, что ей легко удавалось в обители, здесь не получалось. И не потому, что многочисленные обереги и в самом деле, словно плотные занавеси, закутывали подвал. И не потому, что лезли в голову мысли, что имни, тем более дикие, не убивают просто так. Уходят в лес, а убив, непременно раздирают тушу, все делают так же, как обычное зверье. Нет. Разбирать приходилось не наложенные заклинания, которые Гаоте всегда казались чем-то вроде прикрытых ладонями ламп, тихого гуденья с сомкнутыми губами или мельтешения линий и цветов, а их след. Мертвый след. Холодный след. Отвратительный до рвоты след. Исчезающий след.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.